

Цикл-Пограничник

Рассказ I

Пройти по последней грани

Только у пограничных линий нет границ, они и есть – границы.
Фридрих Айнер

(Фридрих Айнер – командир четвертого ранга пограничных войск объединенной армии. Образчик племени людей, офицер системы – AVRГ, ранг – S9. Отчет в ментальном формате)

Запись №1 03. 10. 1 год Эры Единства 06:00

Гордо всматриваюсь в нескончаемые дали пустоты...

Запись №2 03. 10. 1 год Эры Единства 07:00

Начинает надоедать гордо всматриваться в эту бесконечную пустоту...

Запись №3 03. 10. 1 год Эры Единства 09:00

Проклинаю эту пустыню, гордо в нее всматриваясь!

Запись №4 03. 10. 1 год Эры Единства 21:00

Кончились проклятья. Лучше бы кончилось что-то вроде воды или воздуха! Проклятья мне в этой пустыне нужнее!

Запись №5 03. 10. 1 год Эры Единства 23:00

Да пошла эта пустыня!

Еще один день в дозоре в этой пустоте – и у меня крышу снесет! Ничего! Здесь ничего нет! И на кой хрен здесь пост нужен?! Здесь вообще ничего нет! Нет – и не было! Не было – и не будет! И меня здесь быть не должно!

D40-709-677-439 стоит на ждущем режиме – он сменит меня, как только я прикажу. Но и тогда ничего не изменится. Я подыхаю от скуки. Делать нечего. Разве что оружие чистить... Только я его уже отчистил до того, что скоро... Дальнейшими чистками я его просто изувечу, обточив, как ветер скалы.

Зверь подо мной вздрогнул и сменил опорную ногу. Хоть какое-то событие...

Никто не угрожает мне, и мне угрожать некому... Попробую это исправить. Отпустил удавку на горле моей злобной зверюги... Но сонный руггер как на зло игнорирует данную ему свободу. Это действительно злобный зверь – всегда делает все только мне во вред. Жалею, что у него номер короткий – вспомнить нечего... А у крыс вообще номеров нет... Поискал за воротом шинели – “передатчик” на месте, спит старый крысюк...

– Подъем!

Крыс-передатчик сиганул мне на плечо, будто по сигналу тревоги... Ссадил его на холку зверюге и бросил стремяна...

– Наблюдай давай. Доложишь потом, что никаких изменений нет.

Спешился... Бросил шинель и свалился на нее – буду звезды считать... Правда я их уже перечел вчера... и неделю назад, и... Черт...

Темнеть только начало, но скоро опять светать начнет. Здесь ночи короткие. Под утро засияет яркая белая звезда, сменяющая тусклую желтую – вечернюю... А дальше наступит день, когда они обе будут жечь и слепить эту пустыню, отражающую их свет, как зеркало... Сейчас ночная темень еще дает отдых глазам, которые скоро будет просто не укрыть от яркого света, не дающего спать. Но спать я не могу. Я знаю, что меня ждет ослепительный и нескончаемо долгий день, который оставит меня без сна, но я не могу спать сейчас. А что еще я могу здесь сделать, кроме как заснуть вечным сном?

Изуродовал ножом консервный контейнер... Быстро покончил с неизвестно чьим мясом, которым он был забит доверху. Установил контейнер подальше – мишенью будет.

Обоюдоострые лезвия моих клинков надстроены – сейчас это обычные кинжалы с односторонней заточкой... Нет, не пойдет – сниму надстройку... И гарду сложу... Теперь то, что надо. Осталось подключить панель управления на рукояти, установить параметры мишени... Готово. Клинки под напряжением. Задаю замедление, на глаз прикидывая расстояние, силу броска и сопротивления... Выставляю время замедления точнее, беру нож за лезвие... Черт! Нож я не метнул – бросил... Он меня током шарахнул, разряд пустил. Замедлитель не сработал. Черт... Подобрал нож и принялся чинить... Конечно, от моей скуки ломается все. Вернее, я все ломаю от скуки.

Заметил, что нож не только ожег мне руку, но и браслету настройки сбил... Проклятье! Я потерял карты этой местности... Теперь они затеряны где-то в глубокой памяти браслета – теперь их придется искать... Правда, на кой черт мне здесь карты? Здесь нет ничего, что на них можно нанести. Зеркало – только ровное гладкое зеркало пустыни. Вдалеке оно дыбится скромной скальной грядой, больше похожей на зубчатую крепостную стену или просто на ряд прямых ровно выстроенных клыков... угрожающе блистающих клыков, будто только что облизанных скользким и голодным языком какого-то огромного хищного зверя. И все. Никаких разломов здесь нет. Поверхность планеты предельно выровнена. Одни редкие высоты – без низин.

Думаю, расщелины были, – раз уж скалы есть... Просто, они занесены этими зеркальными обломками – пылью, сплошь покрывающей поверхность этой ветреной планеты. Еще думаю, занесенная ветром в разломы и трещины пыль спаялась под прессом времени и высоких температур. Теперь разломы неопределимы при нетщательном просвете, которым ограничились при изучении местности каменные Стражи. Пустыня – слегка припорошенный острыми сияющими осколками монолит.

Ядро старой бедной по химическому составу планеты неуклонно остывает. Раскаляют эту замерзшую пустыню только близкие яркие звезды – и жгут они это зеркало нещадно. Но пустыня – зеркало. Такой мощный отражатель не позволяет планете гореть синим пламенем в звездных лучах. А непосильные ему вспышки звезд, видно, достаточно редки. Сейчас пустыня отражает их лучи, что не дает планете хоть чуть прогреться. Мороз. С уходом звезд пустыня промерзает – сразу. И раскаляется с их явлением она – сразу... Она в миг разгоняет и жар, и холод с беспощадными ветрами, бесконечно рвущимися в нескончаемые дали над простертыми перед ними пустырями. А воздуха здесь только для ветров и достает. Атмосфера слаба – почти не фильтрует жесткое звездное излучение. Излучает и пустыня... Здесь жесткие лучи бьют и сверху, и снизу – и испущенные, и отраженные... Кругом одни жесткие лучи и мощные поля... Эти исходящие от пустыни поля и излучения различной полярности. Их мощность в определенные периоды на определенных участках сильно падает или возрастает. Думаю, происходят эти колебания от перемещения с ветром зеркальной пыли, испускающей и отражающей лучи: ветер, разгоняя и собирая эти осколки, преобразует поля, поля – ветер... Это образует зоны затишья в одних местах, вызывая штормы в других...

Место никак мне не пригодное – здесь я не могу ни дышать, ни... Я здесь вообще ничего не могу. Пустыня позволит мне выйти из стабилизационного поля только в зоне покоя и только в короткий период времени – ранним утром или поздним вечером. И то, не оставит это безнаказанным – просто не сожжет и не заморозит, не снесет ураганом, не обглодает осколками и не поразит жестким излучением сразу...

Я вынужден постоянно находиться в Пустоте – под ее защитой и угрозой... Одиннадцатое измерении – пустое измерение... Это исходная и конечная точка всех расчетов – всего вообще... Пустота... Проэнергия с кодом памяти – отключенным скрытым или открытым подключенным... Это все и ничего, всегда и никогда, везде и нигде... Безграничное и ограниченное измерение пространства и времени, пространства и времени... Оно – одно целое, оно – Пустота. Но мы для упрощения расчетов разделили его – определили структурой с двумя полюсами и фазами. Первая фаза – стабильная. Полюса проэнергии как бы пассивны. В этой фазе нет ни времени, ни пространства – одни их потенциалы с возможностью их активации. Вторая фаза – нестабильная. Полюса проэнергии как бы активны. В этой фазе есть и пространство, и время с возможностью их деактивации. Переключения фаз происходят путем подключения или отключения одних или иных цепей памяти при их пересечении в одиннадцатом измерении или путем скопления одних или других кодовых частиц этого подобию общей системы. Тогда скрытые процессы становятся явными... или явные – скрытыми. И мы способны читать и писать коды Пустоты. Мы способны, применяя с точным и сложным расчетом силу и энергию, переключать коды, стабилизируя или дестабилизируя Пустоту, – участки Пустоты. Мы делаем это, открывая прямые переходы, проходя от одной точки пространства и времени прямо к другой путем без пространства и времени. Мы открываем переходы, стабилизируя Пустоту, переводя пространство и время в другой формат – в их потенциалы. Стараемся делать это точно – иначе не минуем цепной реакции... Тогда локальные процессы перейдут в глобальные, и стабильной Пустотой станет все... С утратой контроля над переходом процесс стабилизации будет необратим. Не выйдет его пресечь – исчезнет все безвозвратно. Тогда мы не обернем его вспять – только Пустотой он будет запущен вновь... Но точно этого еще никто не знает... Я точно не знаю. Но я вынужден не выходить отсюда – из стабилизационного поля, из пространственного перехода, из Пустоты...

Но я дольше не могу здесь находиться. Здесь – между двух точек двух пространств и времен. Переход разделяет оба пространства и времени одной резкой чертой, четко стыкуя их... Правда, это стабилизационное поле расширено – у его границ с обеих сторон происходит слабая диффузия подключенной и отключенной Пустоты. С той стороны, близ пограничной базы, я могу спокойно дышать лишь у границ поля. А с этой стороны, близ пустыни, я могу спокойно укрыться от иглистого ветра лишь у разделительной черты – центральной части поля. Еще это диффузное проникание дает эффект опустошенности пространства и времени в пределах поля... К этому еще здесь возведен и защитный барьер, разъединяющий обе точки для всего и объединяющий их лишь для меня – избранного... И еще... Системы защиты... Это просто – щиты. Но они не просто защищают меня – я скрыт ими.

Я оставлен здесь одиноко стоять в окружающей меня пустоте, не оставившей мне ничего... Хоть клочок вакуума, хоть обрывок темной энергии... но нет – ничего нет. Я – избранный – переход открыт только для меня. Иным объектам пространства и времени путь перекрыт. Для них переход – незримая преграда, которой вроде и нет вовсе... И я стою здесь – черт знает где, черт знает сколько – и проклиная мой пост...

Хоть я и должен находиться ровно меж пространств и времен, я нередко перехожу черту. Периодами что-то заставляет меня бросать облегченную маску, подсоединенную к кислородному блоку, долго и упорно задыхаться у границ пустыни... Порой я, как спасения, жду морозных ветров и палящих лучей, с трудом проникающих в покореженную пограничную зону, но убивающих меня без труда... Это как-то помогает вспомнить, что я еще есть, что я еще не перешел в Пустоту, что я еще мыслю, хоть и мутно... Я уже потерял часть ориентиров – большую их часть... Я постоянно переключаю системы исчисления времени и пространства, переходя этот незримый порог, разделяющий одно чужое с другим... А чужое здесь все... Эти Вселенные не объединены ничем, но ничто и не разделяет их... Ничто – Пустота... Стараюсь не думать об этом – от этого мутится сознание... Хоть я и офицер S9, мне сложно это понять. Еще месяц назад я ничего не знал об этих Вселенных, об этих границах... Я знал про Пустоту и переходы через одиннадцатое измерение – офицеры S12 строили их расчеты. Правда, офицеры S12 обычное пространство и время отключали и подключали еще только в расчетном пространстве и времени – скорей, на виртуальном, а не на реальном поле, но разницы особой нет... Дело не в этом – просто, наши расчеты не посягали на

такие дали... Мне ничего не было известно об этом ином разуме, об этом ином порядке... обо всем этом – чужом... Только теперь это не чужое... Это не должно быть теперь чужим. Теперь “мы” – не офицеры армии AVRГ, вообще – не люди... Черт... Я неверно поступаю, до сих пор причисляя себя... Я путаю теперь не только координаты моего положения во времени и пространстве, но и координаты моего положения вообще... Черт... Мне надо что-то делать – иначе я вконец отупею... и подохну... и не исполню долг.

А я вынужден постоянно находиться между этих пространственных и временных точек, разъединенных и объединенных Пустотой! Посреди сломанного космоса, в его пределах! Без времени, без пространства – вне их... с их обрывками у границ по ту или по эту сторону... Нет, мне нужно что-то делать! Необходимо!

Я поднялся, натягивая и оправляя черную шинель, перешедшую мне от полковника Коршунова... Следуя указаниям скуки, я прикрепил к этой парадной шинели все награды, которые у меня только нашлись... А нашлись и мои, и Коршунова – запрятанные за голенища сапог, за отвороты шинели, в кобуры и подсумки... Не то что я ими особо не дорожу – я горжусь ими... Просто убрал их с глаз долой от врага подальше. Но теперь у меня врага нет... И сейчас на моей груди блистает белой чертой высшая награда AVRГ и красной звездой – высшая награда СССР. Белый свет призывает помнить Хантэрхайм и наши бесконечные бои среди его ледяных пустынь, а красный – не забывать о подвигах бойцов и командиров союзных нам войск, совершенных на нашей общей войне. С этим красным звездным огнем в глазах мы начали эту войну, оконченную, выжигаящим наши глаза, белым сиянием. Не слишком хорошие воспоминания, – великие завоеватели повержены собственным величием – но других у меня нет – только война и только поражение. Под конец мы утратили контроль над запредельными технологиями. Мы объединились с врагом, но не восстановили контроль... Победили не мы – крысы... хоть и с нашей помощью... с моей помощью... Крысы победили и нас, и наших врагов... Теперь среди руин нашей сложной системы маршируют вместо серых армейских штурмовиков серые крысы и черные крысы – вместо черных штурмовиков службы безопасности. Теперь Земля у них в руках, как прежде была у нас – целиком и полностью. Сейчас они на моей планете порядок устанавливают... А я... Я сейчас черт знает где, черт знает что делаю. С досадой пнул пустой консервный контейнер... Он с грохотом полетел под ноги моей злобной зверюге, на горле которой я ослабил удавку... Черт! Я влетел в седло, проснувшегося для нового боя зверя, когда он уже рванул вперед в пустыню...

– S9, нам запрещено покидать стабилизационное поле перехода и выходить в это чужое пространство.

“Защитник” направил на меня холодный взгляд... Я с трудом сдержал зверя у границ стабилизационного поля, стянув удавку ту же. Но зверь продолжает яростное сопротивление, пытаюсь избавиться от меня и моей петли подчинения. Я пустил по “шнур” разряд – не помогло... Стянул его еще крепче – не помогло! Рывок, еще... “Шнур” гудит, его полю не хватает мощности удержать управляемые частицы... Но исходный блок подключен на полную мощность! “Шнур” затрещал, осыпая нас искрами!

Его поле разорвано, удавка спадает, рассыпаясь, и гаснет! Зверь выгибает спину, подымаясь над землей и с грохотом рушась на землю...

Я припал к его холке, как только он вздыбился и попытался схлестнуть вновь подключенный шнур у него на горле... Но этот изверг выгнул шею, пытаюсь всадить клыки мне в горло. Я не понял, шелкнули они, смыкаясь в пустоте, или лязгнули о мой ошейник... Ничего, посмотрим еще, кто кому первый горло перехватит!

Я огрел зверюгу “шнуром”, как хлыстом, получив кусок времени вместе с дозой надсадного рычания, и схлестнул “шнур” удавкой. Зверь грудью пошел на штурм границ стабилизационного поля, но я резко осадил его, придушив... Он развернулся, ринувшись в другую сторону с еще большей мощью...

– S9, останови его. Достаточно.

– Ты что, думаешь, я здесь забаву устроил?! Он меня сейчас на куски раздерет!

– Успокой и останови его.

– Не помогаешь – молчи!

– Я могу его только застрелить. Остановить его можешь только ты.

– Могу! Но не сейчас!

– Я стреляю.

“Защитник” активировал оружие и взял наводку... Черт!

– Не стрелять! Огонь только по приказу! Убить его я и без тебя могу хоть сейчас! Не стреляй!

– Тогда останови его, S9. Он подошел слишком близко к границе.

Остановить зверюгу не выходит никак. Грубыми болевыми командами от зверя удалось добиться только резких торможений, крутых разворотов и лихих рывков... Следом за нарастающей злобой поднимается зверская сила... А за растущей мощностью бросков этой твари растет и их скорость... Это черное подземное чудище огромно и тяжело, как обломок горы... Зверь инертен... Когда он разгонится, его так просто не остановить и не развернуть... Его заносит и теперь – все больше и больше... И он все сильнее порывается к границам поля... Черт! Гладкая черная шкура подгорает под искрящей удавкой. По холке зверя бегают дымные огоньки – уже прет паленой шерстью. Но это только злит его, заставляя нападать на меня и на стабилизационное поле все яростнее...

– D40, расширяй стабилизационное поле!

– Нам запрещено делать это без нужды.

– Расширь его! Или хоть передвинь! Мне зверя у границ больше не сдержать! Он прет прямо на чужую территорию!

– Останови его.

– Нет времени! Он влетит в чужое пространство!

– Мы не должны тратить энергию на перемещение полей из-за зверя. Останови его или я его застрелю, S9.

Черт! Когти со свистом рассекли воздух одновременно с моими клинками... Я отдернул руку от холки зверя, всадив ему в плечо клинок под мощным током... Руггер рухнул как подкошенный – его колени подогнулись... Но я успел выдернуть клинок, резко дернув удавку, – зверь чуть не вышиб мне челюсть запрокинутой головой, но не перелетел через голову, сминая меня... Удержался и я, хоть силой инерции нас порядком проволокло по земле... Кристаллы этой пустыни должны бы были ободрать с нас кожу, но чужое пространство сглажено стабилизационным полем перехода. Я собирался облегченно вздохнуть и упасть на холку поваленному чудищу, но... Руггер поднялся, кинувшись к воротам пограничной базы с другой стороны...

Ради этого чудища я вспомнил брань, которую не смог вспомнить ради той кристальной пустыни! Когти лязгнули о серые камни... Мы влетели на территорию пограничной базы, проносясь по каменистому пустырю под слабым мглистым красным светом. Минуя посты незримой техники и круша заграждения, пролетели пустырь, оказавшись у врат штабного корпуса. Зверь бросился в сторону, но влетел грудью в невидимую преграду, ограждающую базу от безвоздушного пространства и космического мрака... Он понял, что этот барьер для него непреодолим и направился к воротам, не реагируя на мои жесткие болевые команды. Я, ругаясь пуще прежнего, припал к холке чудища... Вижу только черноту его шкуры, слышу только свист осколков разбитых блоков... Мне бы следовало сойти со зверюги и пристрелить эту глыбу тьмы, но упрямство не дало. Я еще раз разрядил “шнур”. А зверь еще раз бросился на заграждение... Он пошел на таран, снес блок, и влетел в запертые ворота.

Врата не поддались. Зверь остановился, встряхнув побитой головой. Мы смерили друг друга враждебными взглядами, принужденно признавая очередную ничью. Я тронул корпус зверя запыленным сапогом, прижав его шенкелем, – он послушно развернулся... Я стянул “шнур” ободранной перчаткой, направляя зверя к переходу – он смиренно зашагал по заданному мной маршруту. Выговор... Меня ждет выговор. Надо постараться убраться отсюда тихо и незаметно. Не намерен я под горячую руку командиру попасть после такого разгрома. Правда, подобие руки моего командира – подобие камня, как и он сам... Эти каменные великаны холодны, как осколки скал близ ледников Ивартэна...

Я остановил и развернул мое покоренное чудище. Пусть врата откроются передо мной... Тогда я посмотрю в глаза каменному великану, а не он мне – в спину...

Командир возвысился надо мной, сравнимый по габаритам только с тяжелым “разрушителем”. Я – всадник этого огромного зверя, но он все равно вздымается надо мной горой. Принимаю его ключ и декодирую сигнал его, чуждого мне, ментального фона...

– Айнер, вы перешли границу и покинули пост.

Смотрю ему прямо в подобие глаз... Я вообще начал склоняться к мысли, что каменные истуканы имеют больше общего с нашей техникой, чем с нами. Мой командир груб, как наши разрушительные машины – только он грубо высечен из камня, а не собран из металлических частей. Правда, похоже, что и он собран из каких-то частей – из осколков камней, скрепленных каким-то полем и какой-то программой... Кристаллы у него в голове или что иное – не знаю, но он не глупее, чем наши “защитники”.

– Так точно, командир. Пересек границу по причине сбоя программы подчиненного. Но пост не оставил – “защитник” заступил в полночь по общему времени.

Формы каменные истуканы, подобно нашей технике, не носят... Их корпус – их форма. Их отличительные знаки насечены прямо на корпусе. Только первый встреченный мной Страж предстал передо мной облаченным в звериные шкуры. Другие ничего такого не носят. Но и без шкур эти великаны здорово похожи на обращенных в камень троллей из наших древних северных легенд. Суровые они. Но под натиском моей чисто человеческой наглости им не каждый раз устоять удастся. Вижу, не устоит командир и на этот раз...

– В сбое программы подчиненного повинны вы, Айнер.

– Так точно. Я дал сбой. Это цепные реакции, командир.

– Вы должны пресекать их.

– Они пресечены. Пусковым механизмом послужила кристалльная пустыня. Цепная реакция пресечена переходом границы.

– Мне известно, что в пустыне не произошло ничего, что способно запустить реакцию.

– Реакцию запустило именно то, что ничего не произошло, командир. Я боевой офицер, созданный для сражений. И я сражаюсь – есть враг или его нет. Я сражаюсь, исполняя высший долг. Исполнение конкретных приказов – долг нижней ступени.

Узкие красные глаза вперились в меня холодно и пронизательно. Но я прав – моя правда. И видна она ему только под правильным для меня углом. Обмануть можно всех и все – людей, технику, каменных великанов... А главное – обмануть без лжи... молчанием с одной стороны и убеждением – с другой. Опять по лезвию пройду – по грани...

– Вас не зря послали служить на границу, Айнер. Вы всегда находитесь на пограничном рубеже и никогда не сходите с него, пересекая все границы. Пограничник, который не переходит границы, где бы он ни был, – это нам и нужно. Возвращайтесь в пустыню по ту сторону. Продолжайте наблюдение. К этому объекту обращены сейчас наши мысли.

– Там нет ни разума, ни его следов – ничего.

– Мы обнаружили следы действующего и прогрессивного разума в этой пустыне. Но не обнаружили разума. Ищите его.

– Его нет, командир.

– Возможно его нет. Но возможно, что он скрыт от нас. Тогда он для нас опаснее других.

– Это только силовые поля, вспышки активности излучения.

– Вспышки активности закономерны, Айнер. И рельеф планеты подчинен определенному порядку.

– Я учел, что разумные объекты могут быть невидимыми для меня, но не обнаружил никакого излучения мыслей – ничего похожего с кодированным сигналом.

– Это может быть незнакомый нам код, неразличимый нами среди помех. Ищите систему во всем, что дает вам сигналы.

– Так точно, командир. Только стабилизационное поле глушит сигналы...

– Будьте на границе поля.

– С границы четко, без искажений, до меня дойдет только часть лучей... только высокочастотный сигнал.

– С границы вы не будете видимы и ваш ментальный сигнал не будет различим. Пересечение границы – это риск быть обнаруженным.

– Я готов рискнуть.

– Мы, нет. Такой риск недопустим. Не покидайте полей – внедрений в чужую среду быть не должно. Мы вмешиваемся только в крайних случаях, только при прямой угрозе. И угрозу блокируем точечными рассчитанными ударами. Помните это, Айнер.

Запись №6 04. 10. 1 год Эры Единства 01:30

Над пустыней всходит белое солнце, но я на него не смотрю. Зверь неподвижно застыл подо мной, вздыбив шерсть. Он топорщится не от злобы или усталости после ночного похода – от холода, который заставил и меня поднять ворот шинели. Я сцепил на груди руки и свел плечи, но все равно стужа пролезает за ворот, цепляясь за шею холодными когтями... Мы стоим на самой границе стабилизационного поля – сюда с отголосками пронизывающего ветра прокрадывается утренний холод пустыни. Белые кристаллы отражают свет, почти не пропуская, не собирая лучей... К вечеру от дневной жары не остается и следа... А ветер порой нагоняет настоящий мороз. При свете одинокой утренней звезды эти просторы почти неотличимы от ледяных и снежных пустынь Хантэрхайма. Поверхность покрыта вечной стужей, когда звездные лучи сжигают жаром, рушась сверху и поднимаясь отражениями снизу.

Всходящая звезда мерцает еще слабым и прохладным лунным светом – пускает ко мне клин искрящейся тропы, прорезающей пустыню все четче и резче... Поднятая ветром кристалльная пыль, затянувшая горизонт хрупкими отсветами, разгорается ярким заревом... Горизонт теперь не затянут – он просто засвечен... Лучи столбами и клиньями бьют из-за этой призрачной линии. Атмосфера этой планеты слаба и чужда мне... Почти ничто не фильтрует здесь жестких космических лучей. И гравитация давит мне на плечи непривычной тяжестью... Выйдя из стабилизационного поля, дышать без тяжелой маски я не смогу – с облегченной маской душно мне и здесь, на границе. И расстояние я смогу преодолеть за пределами поля в считанные километры. Но прежде, чем я свалюсь от усталости, – я просто сгорю под утренней звездой. Я криво усмехнулся сам себе и бросил стремяна...

– Подъем!

Взъерошенный крысук забрался ко мне на плечо... Схватил его так, что он только “руками” развел, зажатый у меня в кулаке. Я подключил его маску так, чтоб он ядовитым газом не надыхался, проверил его снаряжение – ранец и поясные ремни, фильтры и кислородные блоки... Порядок.

– Вперед. Пошли, Крыс.

– Куда?

– На разведку.

– Куда?

– А хрен его знает... Куда-нибудь.

– Нельзя.

– А мне плевать, Крыс. Я здесь тупею день ото дня без дела...

– Так нужно.

– Никому это не нужно. От моей отупелой скуки всем только хуже будет.

– Запрещено.

– Крыс, меня послали дело делать, и я – делаю. А каким способом и с какой скоростью я порученную мне задачу решу – мое дело. Мой командир – он рангом капитан, не выше. А я – высший офицер. Мне по рангу виднее, что запрещено, что нет.

– Ты высший офицер не здесь.

– Без разницы. Я и у нас не был высшим офицером по званию, но я – S9, офицер высшего состава.

Крыс выправился на моей открытой ладони и отдал мне честь, повинувшись. Крысы умны, и солдаты из них отличные выходят – они не дают командиру дурью маяться, но никогда не перечат

не по делу. Зверек понял, что мы здесь попусту всю бессмертную жизнь простоим бездейтельно и безрезультатно... Пора вылазку предпринять, разведку провести, провокацию устроить...

“Защитник” на ждущем режиме – пусть ждет с моим сонным зверем... Я бросил черную шинель на седло Замухрышке, оставшись в серой боевой форме, пригодной для такого жесткого света... Подключил штурмовой излучатель...

В первый раз перехожу рубеж с этой стороны. Колени подогнулись после первого шага – чуть не рухнул под этой гравитацией, но устоял. Жар еще не сильный, но это обманчиво – я могу сгореть и получить дозу жестких лучей прежде, чем что-то замечу... Нужно бдительно следить за всеми моими реакциями и показателями техники... Кстати, показатели техники... Ничего мой браслет не определяет – вернее, ничего знакомого мне... Элементы и соединения чужие – им с трудом находятся примерные и приблизительные аналоги... Чужие излучения, чужие частицы – больше ничего. Рад, что хоть в общем аналоги этому “чуждому” наскрести все же вышло. Вроде ничего особенного – кристаллы под ногами, воздух над головой... Вроде у всего этого сходный принцип строения... но схож только принцип. И я понятия не имею о реакции всего этого со мной... Но вроде среда промолчала, будто оставив мое появление незамеченным, – по крайней мере, сейчас и с виду... Надо было бы, конечно, “защитника” допросить про реакции этой пустыни, но тогда... он бы мне кислород перекрыл с этой разведкой. Надо было бы самому подробней разобраться, но тогда... А, к черту... По ходу дел разберусь. Не то крышу от бездействия снесет еще до того, как покончу с разбором строения этой пыли... И вообще – я боевой офицер – такие тонкости наук не особо мое дело.

В голове отзывается старый походный марш. Я, взбодренный волей идти на все четыре стороны и риском получить угрозу со всех четырех сторон, начал усердно втискивать новые элементы в старые таблицы, разбираясь по ходу дел... Стараюсь обозначить их чем-то вроде названий и впихнуть их в какую-нибудь пригодную схему... Но ничего не выходит... Мои названия ограничены цифрами – чем-то подобным порядковым и добавочным номерам. И ни в какую таблицу эти цифры не вписываются – даже с применением жесткого насилия. Думаю, дело не в цифрах и таблицах, а во мне... Я – боевой офицер, мне науки за пределами применения к боевым действиям не даются. Правда, я могу применять науку к боевым действиям достаточно изобретательно – не только просто и прямо, но и не особо сложно – не вкривь и в обход. Для таких штук “защитники” предусмотрены.

Распластанный гравитацией у меня на плече зверек собрался с трудом, как я, но, собрав силы, поднялся, вглядываясь в бесконечность пустыни. Скрываться нам вроде не от кого – встали оба столбами и смотрим вдаль... “Защитник” не виден, скрыт полем или светом... Не виднеется нигде и огромный черный зверь – пропал, будто его и не было. Только след поля еще заметен – будто участок пустыни стянут дымкой туманной завесы... Больше ничего.

Надвинул фуражку козырьком на закрытые затемнителем глаза и зашагал прочь от стоянки... Далеко отходить не буду – не то D40 обнаружит мое отдаление по ментальному сигналу. Он и так скоро заметит, что мой сигнал слабее, что идет с помехами и искажением. А как только он определит мое положение... Ему мне помешать не трудно будет.

Горизонт – его больше нет – только монолитное белое мерцание кругом, и никаких разделительных линий. Поверхность точно отражает небо – звезда сияет и у меня над головой, и под ногами. Дорогу я прокладываю длинной тенью, которая становится все короче и исчезает... Тень блекнет среди всепроникающего света, как это было в ледяных пустынях нашего севера... Я обернулся... но следов не увидел. Твердое ровное покрытие припорошено пылью, но слой поверхностный и ветер ровняет его...

Я всмотрелся вдаль, пытаюсь различить очертания лагеря, но не увидел ничего... А “защитник”... Постарался выделить из этого белого сияния светлый силуэт высшей технической боевой единицы – гиблое дело. Попытался засечь ментальный сигнал...

Его сигнал я, похоже, не определю... Определить излучение стабилизационного поля – просто не смогу... Оно определимо только как помехи, как слабое искажение... А здесь и без него помех и силовых полей слишком много... Я остановился.

– Крыс, что видишь?

– Пустыню.

– Значит, ничего...

Термоизолятор моей формы перестал справляться с растущей температурой... Я подключил тонкой полосой затемнитель к жесткому режиму, но глаза все равно слепит... Крыс, ясно, ослепнет и поджарится не позже, чем я... Бросил искать сигнал, взялся за карты... Но браслет карты спрятал надежно... И схемы моего маршрута он не выдает... Засек я только время, но ничего – этого достаточно. Приблизительно прикинул скорость – получил понятие о пройденном расстоянии, взял ориентиром солнце – определил направление... Только вышло слишком приблизительно... Невидимый переход я вряд ли найду до того, как обуглюсь... Черт...

Решил, что подошел достаточно близко к переходу, – пора бы сигнал поля поймать... Но тишь гробовая – глухо. Вернее, помехи одни кругом... И помехи все сильнее... они заполняют все частоты... Силовые поля концентрируются... Поднимается уровень излучения... Черт... Зашел в глушь... Но вроде здесь ничего такого не было... Я ведь был где-то недалеко, и ничего такого не было...

Присмотрелся – искристая пыль поземкой ползет у моих сапог, перемещаемая низким воздушным потоком... Похоже, эти иглистые кристаллы – источники излучения... Видимо, уровень излучения зависит от их концентрации, как мощность силовых полей... Я ускорил шаг, хоть тащусь уже с трудом, вконец вымотанный борьбой с гравитацией...

Что-то гудит. Определенно что-то гудит... и треск вполне различим. Думал – силовая линия, думал – перейду линию и... Только перейти этот напряженный гул не вышло – он отстает от меня при каждом моем ускорении, но скоро догоняет... Он обгоняет меня при каждом моем замедлении, но отступает обратно, ко мне... Теперь он преследует меня... идет следом неотступно... Теперь он будто подстроился под мой шаг – он не опережает, не отстает, как бы резко я не менял темп... Что-то мне это как-то не очень... Я выровнял – вернее, перестал сбивать – шаг и просто пошел быстрее... Крыс напряженно выпрямился у меня на плече, постоял и настойчиво стукнул хвостом по погону...

– Стой. Надо встать.

– Крыс, если мы остановимся – мы сдохнем. Сгорим или дозу чужого жесткого излучения получим, или отравимся газом, о котором ничего не знаем, но который получаем малыми дозами.

– Надо. Ты идешь скорее – оно сильнее...

– Что? Не понял.

– Оно идет за нами.

Я оглянулся, осмотрелся...

– Ничего нет, Крыс.

– Оно здесь.

– Это только силовые линии.

– Они идут за нами.

– А то я не заметил. Это зеркальная пыль – я поднимаю пыль, и силовое поле крепнет, и уровень излучения растет. Точно!

– Пыль излучает?

– Верно, Крыс.

– Это собирается вокруг нас...

– Я поднимаю пыль – конечно, вокруг нас ее больше.

– Это должно уходить от нас, разлетаться. А это слетается к нам.

– И слетается, и разлетается. Я поднимаю ветер, по земле ползет ветер... Вихрится он.

– Ветер стал сильнее.

– Стал.

– Частиц стало больше, и ветер стал сильнее.

– Ветер усилился и поднял больше пыли, Крыс.

– Сначала пришел ты и поднял частицы, потом пришел ветер – вслед им, поднятым тобой частицам. Потом ветер поднял еще частицы и стал еще сильнее, и поднял еще...

– Хватит мне мозги пылить!

- Частицы поднимают ветер.
- Вполне может быть – им силовые поля сопутствуют. Скорей, здесь и то, и другое – и ветер меняет силовые поля, и силовые поля – ветер... Но это не важно, Крыс.
- Важно. Надо стоять.
- Мы сторим прежде, чем нас поднятый нами ураган снесет! Я не собираюсь ждать, когда успокоится ветер и мы тихо опадём пеплом, где стоим!
- Ураган разнесет наш прах.
- Давно пора развеяться от скуки! Мы хоть попытаемся дойти до лагеря...
- Не к добру ветер. И мы здесь не к добру...
- Встреча двух враждебных сил знаменует войну.
- Мы пришли не воевать.
- Мы разведчики. Но разведку при нужде мы боем проведем. Сражаться со стихией нам не впервой.
- Это не стихия.
- Стихия все, что неразумно.
- Здесь это разумно. Это подчинено порядку.
- Порядку подчинено все, но это не признак разума.
- Что признак разума?
- Сложный порядок. Ступени и цепи реакций, строящие и сковывающие целую систему – разум. Это способность обобщать и разделять – ставить общую задачу и достигать цели отдельными этапами. Проходить уровни сбора и обработки информации, полученной извне и хранимой внутри. Применять способы, взятые из знаний, из личного или чужого опыта. Это способность сохранять данные. Остальное – простые прямые реакции.
- Здесь не простые реакции.
- Простые... Только чуждые нам. Это и заставило каменных Стражей здесь пост выставить... И нас это заставило в разведку переться черт знает куда...
- Переться в разведку заставил ты.
- Не спорю. Зато теперь ясно, что здесь происходит...
- Сейчас свалюсь... А солнце палит еще яростнее... Но ветер, поднимающий зеркальную пыль, усиливается и холодает... Я упал на колени, срывая с себя китель, сбрасывая портупей... Глубоко вдохнул и снял маску... Холод ударил в лицо, разлетаясь по плечам... Я поднялся, подставляя ветру руки... Его порывы поднимают плотную искристую завесу, скрывая меня от горячих лучей, оберегая от ожогов... Отдаю выдох этому ветру, забирая у маски новый вдох...
- Я не понял, что произошло... Стемнело... Ринулась в атаку зубастая стужа... Что это?! Ветер вихрится вокруг меня... Он будто отгородил меня от пустыни непроницаемой мглой... Вихрь будто скрутил мне руки, сдавил грудную клетку, не давая вдохнуть... Я не могу вдохнуть без маски, но не могу поднять руки, не могу вырваться... Крысюк вцепился когтями прямо в мое голое плечо, но мне плевать... Колючие кристаллы впиваются в меня иглами, царапают, обдирают кожу... Зверек сжался у меня на плече жалким облезлым комком с выдранный клочьями шерстью... А я не дышу! Черт!
- Я не могу не встать, не упасть! С усилием вырвал из невидимых пут руку, прижав к лицу маску... Но отнять маску от лица я теперь не могу... А пересохшее горло рвет пыльный кашель... Я будто наглотался битого стекла, которое раздирает мне горло... Я вдохнул эти блистающие иглы, задыхаясь... Не знаю, от кашля это или от ссадин, но маску наполняет кровь, мешая мне вдохнуть... И темнеет... темнеет...
- Это реакция! Химическая реакция! Воздух! Его здесь нет! Его принес я! Я не знаю, что именно запустило реакцию! Но это принес я! Чужой газ! Чужое вещество! Но что с чем реагирует?! Как эту реакцию пресечь?! Я ведь не потрудился узнать про эту планету хоть что-то подробно! Что я обычно делаю, когда не знаю, что делать?! Ничего не делаю! Но это не годится! Что еще! Что еще я делаю?! Стреляю!
- Открыть огонь! Точно, нужно открыть огонь – спалить эту пыль к черту! Но это зеркальная пыль! А хрен с этими зеркалами! Пусть кусают, пусть отражают и жгут! Синее пламя им не по

зубам! Эти зеркальные осколки обглаживают меня! Вяжут вихрями все крепче и обгрызают все скорее! Вместе с этими искрами ветер уже гоняет вокруг меня багровую пыль – мою кровь! Он режет глаза и вырывает у меня оружие, которое здесь слишком тяжело, которое долго я уже не продержу! Рывок! Один рывок! Еще один рывок! Синий луч пробил слепящим сиянием белую мглу... Сияние разлетелось искрами, обжигая меня... Но я не разжал руку, разряжая энергоблок целиком... Я выжгу синим пламенем все и везде – я скую огнем и эту пыль... Ветер не поднимет больше этих игл! Я раскалю и расплавлю их! Пыль опадает, обжигая мне плечи... Опадает дожем в зеркальное озеро, которое застывает, растекаясь гладью у меня под ногами... Озеро ширится... Мерцающие частицы редуют, отступая, исчезая вдали... Ветер стихает... Светлеет... Передо мной появляется открытый простор... Падаю, упираясь помутненным взглядом в мое отражение... Поливаю его кровью изо рта... Отираю глаза от крови, слипшейся с опаленными ресницами и колючей пылью... Соскребаю эту корку, только обдирая лицо сильнее... Но я ничего не вижу! Где мой зверек?! Его нет... Мое плечо разорвано им, но его нигде нет... Ощупью нашариваю портупей... А солнце жжет мне спину...

Есть. Дрожащей рукой перезаряжаю энергоблок почти вслепую... С трудом раздираю склеенные веки... Свет... И что-то еще... дальше... Дальше тень... И еще... Оглядываюсь... Черт! Со всех сторон на меня надвигаются непроницаемые стены сплошного мрака, пробиваемого искрами, – отсветами или разрядами... Буря?! Похоже на бурю – на тучи, на молнии... Но это не тучи – это бесчисленные иглы зеркальной пыли, это ветер... Я поднялся, безвольно опустив оружие... Реакция...

Краем глаза уловил движение и резко обернулся... Что-то ползет ко мне... С трудом пресек рефлекс и не ударил лучом по зверьку... Мой зверек... Подобрал его, обугленного и облезлого чуть не пуще меня... Он, видно, переждал самое пекло под моей изувеченной фуражкой...

– Ну что, Крыс?..

– Сдаемся?..

– Никогда еще не сдавался... Некому сдаваться было – никто пленных не брал. И сейчас некому сдаваться – буре в пустыне пленные не нужны. Не сдаемся. Сражаемся.

– Сражаемся?.. Нет... Нельзя...

– Хуже не будет... Разве что чуть хуже, чем сейчас...

– Нельзя, бессмертный...

– Ты теперь такой же бессмертный, как я... А вариантов у нас нет – только бой.

– Надо уходить...

– Мы окружены... И я без понятия, где кончается буря... и где начинается переход. Держись крепче... Не смотри и терпи...

– Так точно.

Я стиснул зубы крепче и разблокировал энергоблок, выставив короткое замедление... Теперь, погибну я или нет, – он все равно рванет. Ветер собирает кристаллы со все больших территорий, принося их со все больших расстояний... И я выжгу синим пламенем большие территории!

Вспыхнули молнии, ослепив и оглушив меня... Все исчезает... Что-то заламывает мне руки, сдавливая сухожилия... Но я борюсь с разгибательным рефлексом... Что-то бьет меня сзади по шее... В глазах мутнеет, но я не разжимаю руки, не отпускаю энергоблок... Не вырвет... никто не вырвет у меня оружие... Я подорву эту пустыню!

Запись №7 04. 10. 1 год Эры Единства 03:10

Открываю глаза. Надо мной склонились две звезды... Нет, это холодные глаза “защитника”... А над ним – две звезды... Но они холодны, как его глаза – они не жгут...

– S9, тебя вызывают. Ты должен явиться в штаб.

– В штаб...

Я поднялся на локтях и осмотрелся... Я лежу на том же месте, где упал, – на том же зеркале, которое моих рук дело... И вид в этом зеркале мне открывается... чудовищный... Оно отображает меня.

- В штаб явиться... Что, прям так?..
- Ты понимаешь, что ты сделал?
- А то как же...
- Вставай, нужно идти.
- Постой. Негоже мне офицеров армии AVRГ таким видом позорить.
- Ты позоришь армию AVRГ не видом, а поступками, S9.
- Хреново, ничего не скажешь... Ты что, переход передвинул?
- Так точно. Как только тебя нашел.
- Ты мне чуть руку не сломал.
- Ты понимаешь, что ты мог сделать?

– Мог подорвать бурю... вместе с пустыней... вместе с переходом... и пограничной базой. Но переход и база были бы на твоей совести... если бы она у тебя была в программе прописана.

“Защитник” довольно грубо помог мне подняться. Он конечно постарался бережно отскрести меня от зеркала, но не вышло... Большую часть формы я растерял на очередном побоище – не только моей военной формы, вообще – моей формы... Хоть и поверхностно, но изодран я в клочья. Снаряжение частично потеряно, частично – повреждено, покорежено и поломано... Один мой крысенок живее всех живых, хоть и страшен... Но раз уж призывают...

Явился в штаб, стараясь не спотыкаться... Здесь гравитация слабее, и мне порой кажется, что я чуть не лечу, но иногда что-то клинит коленный сустав, заставляя меня хромать. Один глаз – который плохо открывается – открыть я не могу вообще. И с каждым моим движением на моем лице и руках мерцают и искрятся осколки зеркальной пустыни, которые прочно впились и въелись в кожу, местами ободранную, местами подпаленную. Парадную шинель я надел на голое тело, не найдя кителя. Я бы снял награды, но просто не успел, – теперь они благородно блистают на моей груди вместе с осколками пустыни. “Защитник” не позволил мне потратить время и на чистку пропыленных сапог. Ясно, что перед тем, как предстать перед командиром в таком скверном виде и с таким скверным отчетом, мне пришлось собрать всю наглость, данную мне лихим создателем и не в меру веселым нейропрограммистом.

Командир встретил меня у врат мрачным взглядом, молча развернулся, когда я подошел ближе, и пошел вперед, в полумрак коридора... Иду за ним.

Пограничная база похожа на наши укрепления – строгий спартанский дух царит везде и всюду. Просторный зал, можно считать, пуст – посреди стоит стол и три каменные глыбы – мое начальство, высшие офицеры...

- Айнер?
- Так точно.

Камни молчат... и я – молчу. Отчета от меня никто не требует – значит, они и так все знают. Замечательно, распинаться не нужно – все равно не оправдаюсь... Нет, на этот раз не выйдет... Но попробовать все же стоит.

- Разрешите доложить?
- Докладывайте.

– Ориентируясь на местности, решил провести разведку без указаний, взяв действия под личную ответственность. По ходу разведвылазки провел ряд, давших ответ, провокаций. Полученный результат – контакт с прежде неизвестным разумом. Контакт – враждебный.

- Это мы видим...
- Разведка боем...

– Вы нарушили приказ. Вы виновны, Айнер.

– Так точно. Есть моя вина. Но есть и результат. Моим действиям дан ответ.

– Полученный ответ не указывает на существование неизвестного прежде разума и установление контакта с ним.

- Разрешите возразить?
- Возражайте.

– Указывает прямо.

– У вас есть обоснования утверждению?

– Так точно. Произошла сложная реакция. Разумом были применены сторонние силы – управляемые силы, подчиненные. Разум ответил, применяя ветер, управляя им. Он определил меня как чужого, как врага, и блокировал, пытаясь уничтожить.

– Это простая реакция.

– Это может быть простой химической реакцией – прямой. Может быть реакцией средней сложности, по типу иммунной, – с распознаением чужого объекта усложненной системой. Но может быть и реакцией сложной системы, действующей осмысленно. Я проследил не только четкий порядок ответных реакций – были предприняты действия, упреждающие мои действия. Это способность к анализу и прогнозу. Это – разум.

– Что вы считаете носителем этого разума?

Черт... А что я считаю носителем?.. В пустыне нет ничего... Не знаю... Надо соображать быстрее... Эти каменные великаны вперились в меня жестокими взглядами и ждут... Разум... Что такое разум?.. Программы, коды, шифры... Это сложные химические процессы... О которых я почти ничего не знаю!.. Биохимия!.. Мне почти ничего об этом не известно!.. Я упер уверенный взгляд в ждущие ответа каменные глыбы... Здесь биохимия и рядом не стоит!.. И к черту, что я ничего не знаю об этом!.. Это только камни среди камней!.. Просто, часть камней с программой – с разумом!.. И что далеко ходить?! Ответ перед глазами!..

– Это что-то неотличимое от пустыни... Что-то без формы... Вернее, с формой, но похожей... или обобщенной с пустыней... Или это... Пустыня! Это пустыня! Это не живой разум! И его носитель – пустыня!

Каменные великаны застыли, думают... Самое время напором брать...

– Я установил с ним контакт!

– Контакт...

– Так точно. Разум имеет память. И он знает меня. Как врага. Но это не важно. Он меня знает и помнит.

– Это еще не доказано, Айнер.

– Будет доказано. Я это докажу. Считаю нужным вернуться в пустыню. Прошу предоставить мне подробную информации о планете – химические элементы, соединения...

– У нас еще нет такой информации, Айнер, только – общая.

– Нет такой информации... Прошу разрешения провести тщательный анализ.

– Нет, Айнер. Это чужое пространство. И оно еще не угрожает нам прямо. Никаких тяжелых внедрений. Только наблюдения.

– Но...

– Возвращайтесь и наблюдайте.

– Но мы теряем время...

– Оно от нас не уйдет, пока от него не уйдем мы. Не вступайте в контакт с пустыней, не убедившись, что это разум.

– Я не смогу убедиться, что это разум, не вступив в контакт.

– Сможете, со временем. Теперь вы знаете, что и где искать. И вы найдете. Не сводите с пустыни глаз, но не входите в нее. Помните, вы можете внедриться в чужой, неизвестный прежде, разум. Помните, что нам еще не известно, что последует за внедрением.

– Можно провести расчет следствия обоюдных влияний.

– Мы проведем расчет, получив данные, – со временем, без агрессии, без жестких внедрений. Повлияв на ход устойчивых процессов, вы способны нанести ущерб. Вы уже нанесли ущерб пустыне, себе и нам.

– Это не такой вред, который...

– Это вред. Мы сжигаем энергию с каждым вашим ранением, с каждым перемещением стабилизационного поля...

– Но держать поле на месте сотни лет, наблюдая и не вмешиваясь... Энергии уйдет ровно столько, сколько...

– Все верно. Но ущерб, нанесенный вам и вами...

– Ущерб, нанесенным мне, стоит полученной мной информации. И с ним я справлюсь без вашей помощи. А планете я нанес вред равный вреду, нанесенному мне, – справлюсь с этим я, справится и пустыня.

– Айнер, вы разумный хищник вашей планеты – исследователь, охотник, завоеватель и поработоритель. Но помните, что вы последний хищник из вашего вымершего вида. Нам безразличен чужой разум, чужое время и пространство. Нам важно установить, исходит от него угроза или нет. Мы не угрожаем без угрозы нам. Мы не изучаем для последующего нападения, мы изучаем для последующей обороны. Мы не подчиняем и не подчиняемся. Никакой досрочной агрессии. Это все. Вы посланы проводить разведку не перед захватом, не перед объявлением ультиматума. Вы посланы не обследовать, не изучать – только наблюдать.

– Так точно.

– Ступайте. Вы свободны.

Запись №8 04. 10. 1 год Эры Единства 04:40

Охренть можно... Как я только выпутался?.. А как я теперь выкручусь?.. Я теперь просто обязан доказать, что пустыня – разум... Иначе мне голову снесут без промедлений, и придет конец последнему хищнику из племени людского... А как это доказать?.. Скрыть или ослабить часть правды, открыть или усилить другую часть... Слишком сложно. Мне просто нечего скрывать... и открывать нечего. С виду здесь ничего нет – не будет ничего и в моем отчете о наблюдениях.

Окинул тоскливым взглядом блистающее зеркало, простертое передо мной до бесконечности... И продолжил ковырять ножом руку, доставая осколки... От починки я отказался добровольно – это стало искуплением моей вины, моим наказанием... Черт... Со злобой метнул нож к границе поля... Но что-то лихо размахнулся – нож пересек границу и, лязгнув о зеркальную гладь, упал, подняв пыльное облако... Выругался и стал думать, как его достать, не покидая поля. Думал долго, ища что-то подручное, чем нож притянуть, не топча чужой земли тяжелыми сапогами... Ничего не нашел и не придумал. Зато заметил, что пыль вокруг ножа не осела – скорей, поднялась пуще... Теперь нож не опутан прозрачной искристой пеленой – он окружен плотной завесой. И эта пылевая завеса формируется кольцом вокруг него, отступая, очищая место вблизи него, ограждая его, – изолируя... Я замер, подзывая “защитника”...

– Смотри... Пустыня реагирует...

– Это ничего не значит.

– Я не просто выгородился перед начальством! Здесь и правда что-то... Не думай, что мне нужен только отчет!

D40 присмотрелся к оседающей, развеивающейся пыли...

– Цепная реакция, S9. Поднятая пыль меняет мощность полей, поля меняют мощность ветров, ветры поднимают пыль, меняя мощность полей.

– Нет, что-то не то...

Я схватил нож – просто, рукой... Пересек границу и вернулся сразу... Но движение мое было резко и подняло пыль столбом... пыль, которая не развеялась, оседая, как только я исчез, скрытый щитами... Мерцание разлетается, вздымаясь ввысь и припадая к равнине, будто ища меня, – терпеливо, настойчиво... Это память. Я узнаю. Теперь я – объект, который нанес пустыне вред, – должен быть найден и устранен, когда мой нож – прежде не известный объект – только взят под присмотр.

– Видел?! Ты видел?! Это не простая реакция разнесенной пыли!

“Защитник” всмотрелся в потревоженную мной припыленную поверхность...

– Это электромагнитное поле, S9, – оно есть и у тебя, и у клинков. Поле, излучаемое кристаллами, просто реагирует с ним.

– Да, с ним, да, реагирует, но не просто.

Я незаметно оглянулся. Замухрыш неподалеку – пытается разбить когтями зеркальную поверхность у границ поля, чтобы уйти в подземный мрак с яркого света... Одним порывистым

движением вскочил в седло этой подземной зверюги. Сорвал “шнур” с шеи этой кошмарной твари...

– S9, не делай этого.

– Ты не знаешь, что я собираюсь делать!

Пришпорил зверюгу, рванувшую вперед с мощью грузового транспорта...

– Стой. Иначе я буду вынужден тебя остановить – силой, S9.

– D40, каменные глыбы не даром меня обратно заслали! Они знают, что я хищник! А хищники – деятельные твари! Они, считай, не наказали меня! Они, считай, волю мне дали! Они ждут от меня действий! Они только корректируют и контролируют их, но не пресекают!

– Нет, S9. Не верно.

– Проверим! Опытным путем! После того, как обследуем эту пустыню!

Схлестнув “шнур” на рукояти ножа, я выслал зверя вперед, и он ринулся к границе поля... Я метнул клинок – как только он пересек рубез, я подсек послушный моей руке “шнур”... Нож пролетел за мной, за моим ошалелым зверем, вдоль границ этой стороны, вздымая сияющие острия – зеркальные обломки... Исцарапанный иглистыми осколками клинок метнулся ко мне с очередной подсечкой, но выдернул я его из этой искристой мглы с трудом... Его будто что-то держало, будто силой – что-то с этой стороны... Пустыня... Просто реагирует, отвечая дерзости?.. Или нападает, считая мой кинжал новым агрессором?.. Или силу пробует для борьбы с новым агрессором?..

Я осмотрел клинок и метнул еще раз, бросая его колючим обломкам, которые еще не опали, – только сейчас я перекинул “шнур” через шею мощного зверя, без усилий которого клинок теперь мне вытянуть сил, думаю, не хватит. И верно, кинжал будто застрял в сгущающейся вокруг него мгле... Он будто задержан у границ поля определенной силой, исходящей от сыплющей разрядами мглы... Я бросил гудящий “шнур”, полагаясь только на силу моего непокорного зверя, рванувшего прочь – с привязи, держащей его за горло пустыни, – с такой мощью, что чуть не разорвал искрящий “шнур”... чуть не порвал связь с моим подопытным клинком...

Зверь шарахнулся в сторону от сильного удара... От удара отдернул руку и я... “Защитник” подключил “шнур” двуглавой плетью с двумя контактными концами... Он хлестнул и ожог меня, предупреждая. Сейчас он вышибет у меня из рук исходный блок. Тогда к черту пойдет и обвитая вокруг шеи зверя петля, и задержанный мглой у границ поля клинок... Я пришпорил зверюгу, дернул “шнур” – со всей силы... И мы со зверем, выдрав клинок из когтей пустыни обоюдными усилиями, замерли – и не только мы со зверем, но и “защитник”, и крысук... Нож обглодан до рукояти, лезвие торчит обломанным кривым зубом, изъеденным коррозией...

– Что скажешь теперь?

– Ты не умеешь проводить эксперименты, S9.

– Эта дерзкая выходка не просто усилила прямую реакцию... Это другой уровень – это ответ агрессией на агрессию. Это оборона при нападении, D40. Нож, оставленный мной в покое, был нетронут пустыней, но когда я взялся за клинок, – мое оружие было уничтожено...

– Верно. Это ответ. Но не осмысленный.

– Сначала ответное бездействие, потом – ответный переход к действию... Был посыл – был и ответ, не было одного – не было и другого... Вроде все ясно, вроде все правильно... Но что-то здесь не то... Частицы будто замерли возле клинка... Замерли, будто в ожидании действий... и перешли к действию, только отвечая... Похоже, что пустыня ждет, следит и решает – опасно или нет... А когда нет времени ждать, следить и решать – нападает... рефлексивно, как мы... Определенно, здесь что-то не то... Что-то не то с разницей времени ответных реакций... Похоже, что ответы контролируемы.

– Мне нужны точные данные, тогда я смогу точно определить проходящие здесь процессы, точно рассчитать время идущих здесь реакций. Сейчас дать тебе подробный отчет я не могу.

– Собирай данные.

– Мне запрещено делать это, S9. Я не должен вмешиваться в эти процессы. Не должен – и ты.

– Что я должен, что нет, – мое дело. А ты подчиняешься мне.

– Я защищаю тебя.

– Черт... Опять ты... Что ж... Нет сложных расчетов, значит нет и нужды в них.

Я бросил обглоданный клинок через незримый рубеж... Ждал, что пыль окружит его еще до падения, и верно... Он не упал. Пыль, еще не поднятая его падением, подлетела к нему с ветром, сошлась вокруг него стеной сразу, не отступая, вихрясь под ним и над ним, тесня и скрывая его мглой... Клинок исчез под этой сплошной, непроницаемой тьмой... и не появился под этой искрящей дымкой, разошедшейся по ветру до прозрачности.

– Это память, D40. Пустыня помнит мой нож... Она теперь не ждет, не проверяет... Она считает, что мой нож – враг, который подлежит немедленному уничтожению... Это управляемые реакции, подчиненные системе...

“Защитник” перевел на меня холодные глаза и согласно склонил голову...

– Так точно, S9. Здесь работают простые программы. Это система. Но нет доказательств, что система – разумная.

– Сейчас будут!

Я скормил пустыне другой клинок... Его обдало искрами еще в полете... Ветер сковал его холодом – остановил силой, удерживая в воздухе, не давая опуститься, не отпуская на волю тяготения, скрыл его сияющей зеркальной пылью... Клинок, обглоданный этим мерцанием, пропал... в одно мгновение...

– Это память, S9, – опознание формы. Но повышение скорости реакции – простой рефлекс. Нет признаков мышления – ответ неизменен, только скорость выше.

– Посмотрим еще...

Я надстроил лезвие пластиной, меняя его форму, и метнул пустыне очередной клинок... Частицы не тронули его – только обступили, тихо отдаляясь... Я отдал пустыне пустой контейнер... Он нетронутым остался стоять среди скоро развеянных ветром искр... Я выждал и метнул знакомый пустыне не надстроенный кинжал...

Рассеянные в воздухе частицы окружают его – среди их сплоченности проходят паутиной еще редкие, но учащающиеся, разряды... Ветер крепчает близ него... Но я метнул клинок с такой силой, что ветер не сдержал его... Он пролетел с такой скоростью, что зубастые частицы не обглодали его лезвия... Бросил я нож, метя в контейнер, он – попал в цель. Вокруг него разразился локальный шторм... Но подошедшая стеной мгла рассеялась, отступая от вогнанного в контейнер клинка, оставляя его – нетронутым. Он, вонзенный в железный короб по рукоять, для пустыни, считай, – исчез... Пустыня проследила этот кинжал, сочтенный ей вредящим, но потеряла его среди других вещей, признанных ею безвредными. Я жду... Я вижу, что пыль еще не осела, что она еще обследует незнакомые предметы, мерцая вокруг них... Просто, пустыня не так бдительна к ним, как прежде, но она, как прежде, осторожна...

– Смотри... Она ищет... Проверяет – исчез этот клинок бесследно или скрытан, не видимый только для нее... Она думает – размышляет... Понимает, что с ним что-то не так, как надо... Смотри! До пустыни дошло, что клинок не исчез, а скрыт! Что он всажен в контейнер – в этот короб!

Ветер поднялся настоящим штормом, бросаясь к контейнеру с воткнутым в него кинжалом... Но концентрируется до разрядки молниями этот грозовой вал только возле всаженного по рукоять клинка с обоюдоострым лезвием... Пустыня нашла его – скрытого врага...

– Она опознала этот клинок! И теперь – уничтожит его! Избирательно! Пустыня мыслит...

Шквальный ветер затихает, оставляя нетронутый контейнер стоять на прежнем месте... А обоюдоострого кинжала просто нет – осталась только пробоина в контейнере...

– Пустыня... Это разум и воля...

– Не достаточно доказательств, S9.

– Мне нужен еще нож – у меня больше нет. Этот кинжал в последний раз не причинил пустыне почти никакого вреда, как в первый... Пустыня должна понять, что он опасен не каждый раз...

“Защитник” отдал мне, хранимые им, клинки. Сняв надстройку, я с прежней силой метнул его в короб контейнера... Как я и ожидал, пустыня приняла клинок спокойно... Иглистые кристаллы, искрясь, застыли близ него, окружая его с готовностью к защите, но не защищаясь от него, – обследуя его... Следующий клинок я метнул в зеркало – он, не вонзаясь, отскочил и со звоном упал рядом с контейнером, поднимая зеркальные осколки пустыни... Они, не спадая, замерли вокруг

него... Взяв последний кинжал, я метнул и его... Ветер принял нож, резко стопоря его налету и тихо опуская к простертому равниной зеркалу, осторожно кладя на расчищенную от пыли площадку... Теперь этот кинжал окружен искристыми частицами – оцеплен, как остальные ножи. До пустыни дошло, что мои клинки могут быть равно и опасными, и безопасными для нее... Дошло, что опасны они не всегда, дошло, что гонимым ветром острым осколком под силу справиться с исходящей от них опасностью... что им под силу не только уничтожить их, но и управлять ими... Теперь пустыня стережет их, изучая, но не уничтожая...

– Это разум. И он – не живой.

– Так точно, S9.

До меня начинает доходить, что произошло, что это значит... Я стер со лба испарину, выступившую от напряжения...

– Где прописан код программы? Где пробита память? Какие варианты?

– Думаю, код пробит определенным излучением в кристаллических осколках, которые объединены полями, по которым проходит кодом излученный сигнал.

– Что-то вроде нервной системы – вроде нейронных связей... Медиаторы проводят электрические разряды от одного нервного окончания к другому – разряды, которые проходят сети памяти... Идут от акции до реакции, поднимая хранимую информацию... Отправляются от воздействия и возвращаются с действием – с командой соблюдать молчание или дать ответ... И здесь что-то подобное... что-то сложное, слаженное... Но мы способны принять информацию – до нас доходят раздражители, которым мы даем ответ... А пустыня... Мы видим, слышим, осязаем – у нас и другие анализаторы... А у пустыни их нет...

– Думаю, здесь анализаторы – поля и излучения. Пустыня получает информацию от преломленных и отраженных лучей.

– Выходит, пустыня получает и передает данные при помощи лучей... И этот сигнал – аналог зрения, осязания... Черт...

Я отстегнул от шинели высшие награды великих воинских держав... Красная звезда подняла пыль... А белую черту пустыня игнорирует... Ей знаком и близок белый свет, но красный – далек и неизвестен... Видит пустыня или нет, но спектр – различает четко.

Запись №9 04. 10. 1 год Эры Единства 06:33

Уже почти все мое снаряжение отдано на забаву пустыне... А я, уже с трудом продирая слипающиеся глаза, продолжаю отупело всматриваться в мерцающие скопления кристаллических игл, зависающих в воздухе... в чем-то подобном воздуху... “Защитник” не позволил мне продолжить опыты с пустыней, но спать я просто не могу... Я не могу даже отойти, отвести взгляд... Глаза уже дерет от яркого света, да и дышать здесь без тяжелой маски нелегко, но я неотрывно всматриваюсь в перелеты загорающихся и гаснущих искр... Я не понимаю – ничего.

Пустыня. Пыль. Что это? Это что-то не живое, по крайней мере, – что-то за пределами биохимии, определяющей жизнь... Да и химия, видно, здесь особо не затронута – здесь проходят процессы ядерного распада и синтеза... Не живое, но разумное... Что-то не имеющее формы, но имеющее систему, организацию... Черт. Не понимаю.

“Защитник” считает, что код скрепленных полями частиц прописан определенной химической реакцией – изначально под властью воли случая... Но впоследствии частицы с этим кодом стали способны управлять этими излучениями и химическими реакциями, пишущими их коды, и диктовать условия. И теперь они ширят полки подобных себе частиц под властью их воли к расширению их общей программы... Кристаллы – что-то вроде наших нервных клеток, но с иными процессами. Эти частицы способны не только к хранению и передачезначальной памяти, но и к записи и к сохранению новых данных. Эти разрозненные частицы способны к обобщению, что позволяет им соединять эту разделенную меж ними сохраненную память – знания – в память общую... Они образуют сложную систему, следуязначальной кодовой установке... Они обеспечивают и поддерживают эту слаженно функционирующую организацию... Они укрепляют ее и упрочивают ее положение на лестнице бытия, на высшей ступени этой лестницы – ступени

разума. А подобный разум всегда развивается, стараясь расширить пространство и растянуть время собственного существования, пытаюсь заместить собой все. Подобный разум создан с целью – просто существовать... Как наш разум – человеческий... Пустыня – изначальный разум, созданный Пустотой, с целью – просто быть... Это не то, что разумные машины... Нет, ничего схожего с нашей техникой, созданной нами только для того, чтобы служить нам... Этот разум, пустыня, – объект первого значения, явленный космической программой, подчиненный только законам космоса...

А главное, пустыня одновременно является и разумом, и телом... Излучение этих несущих код частиц подконтрольно им – оно не только служит их связи, оно создает силовые поля, регуляция мощности и полярности которых позволяет этим зеркальным осколкам управлять и своими, и чужими силами – такими, как ветры этой планеты и лучи этих звезд... А управлять ветром, значит – и рельефом. А энергия? Похоже, в ход идет энергия звезд... Эти кристаллы – отражатели, которые регулируют забор и отдачу энергии... Точно, они темнеют, поглощая свет, при повышении активности, при повышении мощности полей... Эти кристаллы – части программы, хранящие фрагменты информации, которые передаются по сети и объединяются системой этих связей. Обработка данных, анализ и синтез проходят в системе. Выходит, пустыня – это огромный и сплошной разум. И каждый его кристалл хранит какую-то память, какой-то код... И каждый его кристалл способен к перемещению и действию...

А я внедрился в этот разум. Еще и перебил уйму его частиц, уничтожив чертову прорву носителей его памяти... Я нанес ему вред... и продолжаю наносить, изучая его... За это каменные глыбы меня либо щедро наградят, либо жестоко казнят по возвращении на базу. По плечам пробежал холодок... Нет, это мой зверек – мой облезлый крысук ко мне присоединился...

– Что, Крыс? Меня призывают?

– Нет. Ты ждешь призыва?

– А то как же? Жду не дождусь, когда каменные глыбы надо мной расправу учинят. Мои поступки, видно, меня под трибунал скоро поведут. А все от скуки... Зато теперь здесь не скучно. Что-то происходит – и то хорошо. Все лучше, чем ничего...

Думаю, что дальше... Думаю, что ничего хорошего... А это значит, что мне терять нечего – значит, что надо заставить “защитника” взять для анализа фрагмент памяти этой пустыни, пока меня отсюда под конвоем не увели. Он обязательно декодирует информацию, и мы получим ключ к этому разуму...

Разум... У него должен быть ментальный фон, как у всех нас. Просто, мы еще не можем его определить – выделить мысленный сигнал из помех, раскрыть его код. Мы еще не можем прочесть активную память и установить мысленный контакт. Этот разум слишком велик для нас и не знаком нам. Но мы сможем определить порядок и шифр его фонового сигнала, получив ключ из его жесткой памяти. Сможем настроиться на его частоту и передать ему наши мысли на частоте, доступной ему... Мы должны вскрыть его жесткую память... Тогда у нас будет возможность получать и посылать не только ментальные сообщения – будет возможность читать и писать их прямо по обломкам этих зеркал кодом. Тогда мы узнаем все, взломав его коды, открыв ему коды наши... Тогда я покажу ему, откуда пришел – покажу вечно сияющий Хантэрхайм и ледяные пустыни... и нашу войну... Покажу ему мои бои... моих бойцов и командиров... Тогда он поверит мне, доверит военные тайны и секретные планы... И я его брошу на растерзание каменным великанам.

Никуда не поперешь, такой сложный разум опасен – всегда и везде. Он способен затронуть влиянием огромные территории, проходя с огромной скоростью огромные расстояния... Я его выслежу и все его тайны вскрою, отчитавшись во всем. И не будет больше пустыни... Ведь каменные глыбы применят к нему жесткую блокаду – слежку и контроль... И по этой восходящей лестнице жесткой блокады они скоро подойдут к ступени уничтожения. Это их стратегия – они ждут, только контролируя, внедряясь только по крайней необходимости, влияя только точными короткими ударами. Они ждут, когда время грозящего им врага подойдет к краю, и применяют к врагу крайние способы устранения угрозы – устраняют угрозу вместе с врагом. Они ждут, когда враг подойдет к обрыву и сорвется с него от одного их окрика... Они почти не влияют на ход

событий, на пространство, на время... Их влияние почти сведено к нулю и точно рассчитано – оно почти не отзывается им, почти ничего не меняя. Так каменные глыбы поступили с нами, так они поступят и с разумной пустыней... Правда, прямо и открыто уничтожить нас у них не вышло – мы с этим справились и без них... Но они внедрились в наше пространство, в наше время, внося поправки... Мы погибли с их помощью... Но с их помощью мы сохранили нашу планету с жизнью и разумом – без нас, с чужой жизнью и чужим разумом, но сохранили... Мы сохранили больше, чем потеряли, хоть мы и потеряли нашу жизнь... И речь не только о нашей планете, о нашей вселенной... Здесь каменные глыбы правы... Их стратегия, в общем, верна... но не верна – тактика...

Я думаю не про меткие точечные удары – с ними все верно... Избирать точки событий, точно применяя к ним силы – то, что надо. Действуя точно, мы получим минимальное противодействие и максимальный результат. Я думаю про то, что угрозу следует устранять, не блокируя и не уничтожая источник – просто, корректируя его... в нужное время.

Ничего, я выясню, какие угрозы таят помыслы этой пустыни, и придумаю, что с этим всем делать, не отдавая этот разум под контроль каменным глыбам... Все ж я не доносчик, я не шпион. Я – пограничник. Я разведчик, но все ж, скорее, – пограничник. Вот я и пройду по границе – как всегда... Эти камни стараются не вмешиваться, внося только редкие поправки... Точно в цель буду бить и я, но вмешиваться я буду жестче, резче и чаще. Они позволяют решать тому разуму, который контролируют, оставляя за собой только последнее решение. А я... Решать буду только я – все, за всех и сразу.

– Я не позволю этой пустыне дойти до того, до чего дошли мы...

– До конца? Ты уничтожишь пустыню?

– А, Крыс... Нет, я не дам никому довести этот разум до уничтожения и не дам этому разуму дойти до деструкции...

– Он все равно дойдет.

– Не так скоро – с моей помощью...

– Откуда ты знаешь?

– Ему неизвестно, чему угрожает он и что ему угрожает...

– Ты сообщишь ему, но ничего не изменишь.

– Изменю...

– Вы знали и понимали, но ничего не изменили.

– Было поздно менять. Мы ясно увидели будущее, когда его уже не было.

– Было.

– Короткое будущее...

– Короткое – без потерь.

– Верно. Мы сделали выбор – отказались терять силу, обретая большее время. Но это был принудительный выбор – время далось бы нам только с полной потерей сил, с сокрушительной слабостью.

– Тяжелый выбор сделал и ты. Ты дал время нам, отказавшись от вашего времени.

– Опять точно в цель, Крыс. Получилось так, как получилось, но могло быть иначе – все решало и решило время...

– Иначе быть не могло, когда было так.

– Могло. Стоило каменным стражам дать нам отчет раньше жестче и в доходчивой форме. Нам не хватило острастки от нашего понимания наших деяний. Но нас могли осадить внешние угрозы. Крыс, это свойство высокого разума – выдвигать предположения, проводить параллели... Мы можем брать не только прямой опыт прошлого, применяя его к настоящему – можем дополнять прошлый опыт, прогнозируя его параллели, применяя к настоящему их...

– Что ты собираешься делать?

– Внедряться.

– Каменные стражи запрещают.

– И доводят этим положение дел до крайности.

– Все доходит до крайности и без них. И ты доходишь.

- До крайности?
- До края.
- Похоже, ты прав, Крыс... Но я все равно до него дойду.
- Как все остальное.
- Жизнь и смерть – это не вечный вопрос... это вопрос времени. Все, что появляется – исчезает со временем. Все живое –дохнет. Просто у нас есть выбор – спасти кого-то от смерти или нет.
- Спасая кого-то одного, мы губим кого-то другого.
- Но мы можем выбирать, кого спасти, кого погубить.
- Ты выбрал нас...
- Точно.
- Погубив людей.
- Точно. Но вы жили, когда мы –погибали.
- Но никто не может точно знать, когда кто-то спасенный чьей-то гибелью погибнет или погубит...
- Хватит, понял. Выбор – это всегда риск. Поэтому не каждый может его сделать. Кому-то не хватит ума, кому-то – сил, кому-то – воли... или просто – наглости. У меня этого добра до черта – я не скуплюсь на выборы и риски.
- Создание *света* может стать созданием *тьмы*. Свет и тьма близко.
- Приму к сведенью, Крыс. А теперь за дело. Пока каменные стражи не явились мне тормоза чинить!
- Подожди. Что-то идет к нам. Что-то близко.
- Я ничего не вижу, Крыс. А нет... Черт...
- Где-то вдалеке этого бескрайнего зеркального простора... По всей засвеченной линии горизонта протянулись тонкие светящиеся нити, уходящие ввысь... Но что это?.. Пустыня реагирует... Но я не знаю, нормально это или нет... Забор это энергии или что-то иное, что-то деструктивное?..
- D40, это что?! Что это такое?! Оно движется! Приближается! Это вихри?! Это буря?!
- Это не буря, S9. Думаю, происходит перестройка связей. Мы разрушили часть связей этого разума, он создает – новые.
- Уверен?
- Нет, S9. У меня нет информации.
- Нет, так получит.
- Не имею права, S9.
- Я даю тебе право! Иди и возьми зеркальные осколки – взломай их код, открой их память!
- Я не имею права вредить тебе, а это тебе навредит. Тебе запрещено делать это.
- Тупо! Тупые программы мы “защитникам” прописали! Совершенные машины, которые могут сделать все, не делают ничего из-за какого-то тупого программного ограничения! Мы продумали все, чтоб эти машины не могли навредить нам, но не продумали, что эти машины не всегда смогут нам помочь, не нанеся нам вреда! Просто мы обозначили вредом конкретные вещи – нам вредно то, что угрожает нам прямым уничтожением! И этим машинам плевать, что что-то способно мучить нас, не убивая – что это может быть хуже, чем смерть! Понять это они могут только, когда поймут, что эти муки способны нас убить!
- D40, информация мне сейчас нужнее, чем воздух!
- Нет. Я знаю тебя лучше, чем ты.
- Ты все знаешь лучше, чем я, кроме меня! Тебе никогда не будет доступно сознание человека – у тебя другое сознание! У тебя другая программа, другие схемы!
- Послав к черту все, что только мог, я вышел из стабилизационного поля, задержав дыхание... Забрал горсть сопротивляющейся пыли, режущей перчатку бесчисленными острями... Прорвал поднявшийся против меня ветреной барьер...
- Держи. Изучай. Мы должны знать...
- Это только процесс восстановления поврежденного разума.
- Мы его повредили, мы его и восстановим – было бы только нужно. А нужно или нет – узнаешь ты!

“Защитник” согласно склонил голову. Он всегда воспринимает данность как данность – с этим проблем нет. Проблемы у него только со мной – не каждый раз ему удается спрогнозировать мои действия. Никто не может точно спрогнозировать действия дефектного офицера-S9... кроме самого дефектного офицера-S9.

Что-то холодом обдало меня со спины... Я обернулся... Страж... Я узнал его – это тот страж, который был послан на Землю, тот, который преследовал меня... Окаменелый “тролль”... Он сбросил тяжелый плащ из шкур северных скингеров, заменяющих ему шкуры волков, но я узнал его... Он провел на Земле тысячи лет, скрываясь среди ледников под прикрытием стабилизационного поля пространственного перехода, контролируя нас. Он знает нас лучше других ему подобных. Но теперь я знаю, что он ниже меня по изначальному рангу, хоть и выше по присвоенному позже званию... И мне плевать, что мой ранг прописан генетическим кодом, а его – черт знает каким... Я – офицер-S9, полковой командир сильнейшего боевого подразделения армии AVRГ! И я снабжен дефектным кодом, дающим мне способность ходить по грани, не сходя с нее! Я сильнейший пограничник, властвующий на границах безраздельно, и каменные глыбы знают об этом!

– Что ты делаешь, человек?

– Иду вперед!

– Что ты делаешь?

– То, что еще никто не делал! Отдай мне этот разум, и он будет нашим союзником, а не врагом!

– Ты знаешь, что он наш враг?

– Знаю! С тех пор, как узнал, что это – разум!

– И мы узнали об этом, только узнав, что это – разум.

– Вы не узнали бы, что это разум, еще сотни лет без меня, без моих агрессивных действий!

Дайте мне позволение действовать, и вы узнаете, что этот разум – не враг!

– От тебя требуют немедленного отчета.

– Я предоставлю отчет! Предоставьте мне волю!

– Это решит Совет.

– Время не будет ждать нас! Решение нужно сейчас!

– Мы будем ждать времени. Идем.

Запись №10 04. 10. 1 год Эры Единства 07:05

Я будто взбираюсь по скалистой гряде... Меня окружают горные вершины и нет им предела... Зал пограничной базы вздымает скальные пики вокруг меня... Я никогда не видел их всех, никогда не видел их генералов, которые теперь принимают мой короткий отчет... Разум. Больше ничего. Больше ничего не нужно.

Здесь нет сияния загруженных мониторов и проекций – карты и схемы передаются строго в ментальном формате. Я вижу скопления зеркальной пыли – зоны концентрации памяти пустыни... Вижу энергоблоки подобия электростанций – накопители, темнеющие среди заграждений – среди построенных ветром скал... Вижу подобие энергохранилищ – зон, засвеченных зеркальными щитами собранных, скрепленных полями, частиц... Щиты меняют положение вслед за перемещением звезд – и угол, и высоту... Меняют они и текстуру, бледнея и разгораясь, отражая звездные лучи с разной силой... Теперь, когда обнаружен разум, – это не случайность, это энергосистемы, построенные разумным объектом...

Я вижу зоны с повышенным уровнем излучения – стабильные и переменные... И еще что-то... Зоны высокого напряжения – частицы слетаются и концентрируются над поверхностью... Между ними происходит постоянное движение – обмен частиц... По напряженному полю проносятся паутины разрядов... Похоже, что это вариант электростанции или еще одно хранилище, но нет... Еще это похоже... Это схоже с чем-то, что я помню... С роем ос, покинувших улей, поднявшихся в воздух для его защиты... Это, скорее, обмен информацией, чем энергией – особо скоростной обмен данными... И, видимо, обмен этот – реакция, выданная моему вторжению. Запоминаю координаты наиболее активных участков этого разума, отвечающего моей агрессии.

Схемы сменились. Теперь пошли данные о ближайших планетах и планетоидах солнечной системы, где были обнаружены разведчики пустынного разума и следы его исчезнувших колоний. Выходит, этот разум – колонизатор... Он агрессивен. И он обладает достаточной силой и энергией для перемещения в космическом пространстве. И агрессия его осмысленная, и к цели устремлен он волей. Что ж... Ясно, что разум этот способен стать серьезной угрозой... или уже стал. В моей голове растет и ширится план действий, но его перебивает ментальный приказ...

– Разумный объект стремится заменить собой другие объекты звездной системы. Он должен быть немедленно переведен на высший уровень контроля. При отягощении угрозы с его стороны, он должен быть устранен точечными ударами по центрам управления системы. Исполняйте, Айнер.

– Командир, ваши стражи поступили так с нами...

– Страж не уничтожил ваше верховное командование, не внедрился в разум ваших высших офицеров...

– Он внедрился в их мысли... Они знали, что у нас почти не осталось времени, что нас впереди не ждет ничего, кроме войны и разрушений, что нам этого не преодолеть. От стража они узнали, что продолжение этой борьбы с войной, с разрушениями вынудит их вступить в еще одну войну, обрекающую нас другими разрушениями. Они узнали, что вы угрожаете нам и времени у нас вообще нет. Они пресекли это, подходящее к концу, время, пресекая разрушения.

– Так поступили ваши близкие к машинам офицеры S12.

– Верно, они уничтожают себя, как “защитники”, не видя будущего в расчете. Но без вас они могли сделать это позже. Это время – время людей – оборвали вы.

– Оборвав разрушения, которых было не преодолеть ни вам, ни нам.

– Оборвав разрушения, которые могли быть не допущены ни нами, ни вами. Страж оказал жесткое влияние, хоть и без применения тяжелых средств воздействия. Почти не внедряясь в нашу систему, ваш страж приблизил нашу и без того близкую гибель! Не спорю, что усиление нашей предсмертной деятельности усилило и угрозу! Не спорю, что нашу агрессивную деятельность нужно было пресечь как возрастающую и расширяющуюся угрозу! Но страж мог, почти не внедряясь в нашу систему, устранить угрозу с нашей стороны иначе! Он мог пресечь нашу агрессию прежде того, как остался один вариант пресечения – наше уничтожение!

– Других вариантов не было.

– Мы воевали и не могли не воевать! Мы посягали на чужое пространство и время и не могли не посягать! Но другие варианты были! Договор! Страж мог заключить с нами договор! Обозначить ограничения нашей агрессии!

– Люди не способны не нарушить договор.

– Способны! Под серьезной угрозой!

– Люди заключают договор под угрозой с мыслями, как эту угрозу устранить – силой.

– Должны быть такие угрозы, которые устранить можно лишь соблюдением договора.

– Люди под угрозой, которую не могут устранить силой, считают, что им нечего терять. Люди, которые считают, что им нечего терять, теряют разум, порой обретая силу – бесконтрольную разрушительную силу.

– Верно. Работает принцип – не можешь побороть присоединяйся. Когда смерть подступает к нам, когда смерть сильнее нас, мы вербуемся в ее войска – мы убиваем и умираем. Но, поставив нас под угрозу минуемой гибели, вы обезопасите нас. Дождетесь вы времени, когда придется ставить нас под угрозу гибели неминуемой, вы обретете опасного врага.

– Союзник, скованный с нами принудительным договором, никогда не будет безопасен. Он будет опасен как враг. И не как открытый, как скрытый враг.

– Но он никогда не будет так опасен, как враг, ничем не скованный с вами – враг, которого вы сможете только уничтожить, враг, которому вообще нечего терять. Вы столкнулись с офицерами S12, которые почти перестали быть людьми – с высшими офицерами, которые стали подобием высшей техники под тяжестью времени, не видного под их вечной юностью. Столкнувшись с другими офицерами – с людьми... Сейчас не было бы ни нас, ни вас. Вы плохо знаете нас – людей. Вы знаете только дефектных людей – близких к технике офицеров у власти и меня – офицера,

перебойно меняющего полярность от крайности до крайности. И понять вам проще нашу технику, чем нас. Вы знаете, что мы – хищники. Но не имеете понятия, что мы такие хищники, которые убивают до смерти. И среди нас можно встретить таких, которые убивают и после смерти.

– Мы знаем, что вы и ваше племя опасны, Айнер. Но вы правы, мы знаем о людях не все – не все и не обо всех.

– Вы не трудитесь изучать, полагаясь на ваши великие знания. Не трудитесь думать, полагаясь на сокрушительную мощь. И не трудитесь искать, полагаясь на груды найденного. Вы – сильнейшие. Сильнейшим нет нужды изобретать и испытывать изобретения – достаточно построить расчет, и перед ними открыты все тайны. Только сильнейшим не нужно открытие тайн. Им не нужен прогресс, они стоят на месте – на вершине, на которую не посягает никто. Но порой находится кто-то сильнее, кто занимает вершину, свергая прежнего властелина.

Каменные генералы вперились жестокими красными глазами в мое лицо, иссеченное новыми шрамами поверх старых. Но я решил продолжить, послав к черту последствия...

– Так было с акулой – хищником нашей планеты, застывшим в веках без изменений. Но со временем место его заняли мы, заняв место всех обитателей нашей планеты. Прежде мы были слабее него – слабее многих других. Но мы менялись, учась быть сильными у сильнейших, уподобляясь им – беря от них лучшее, отсекая худшее. Сначала менялись мы, становясь сильнее других и подчиняя их, потом мы меняли других, делая их слабее и подчиняя. А после, сделав всех слабыми, ослабили. Наш мир менялся под нашей рукой, и мы утратили способность быстро реагировать на его изменения – вызванные и им, и нами. Мы свергнуты. Теперь ваш черед. Вы знаете, что хищник явился, и уверены, что всегда будете способны его уничтожить – вы позволяете себе, не изучая его, не внедряясь в его разум, ждать времени, а ему вы позволяете – идти по времени... Но вы только думаете, что он преодолет этот путь под вашим контролем – его разум неведом вам, а неведом – значит неподконтролен. Вы, не применяя силу, ждете предельного времени, когда просто нельзя будет ждать. Но время когда-нибудь подведет вас к такому пределу, когда нельзя будет ни ждать, ни применять силу – когда оно перейдет к врагу. Тогда вы не сможете уничтожить его, а он сможет уничтожить вас. Ваш страж заставлял меня думать. Теперь я буду заставлять думать вас.

Я был уверен, что каменные глыбы казнят меня мигом, но, видно, недооценил их. Они согласились... Они согласились!

– У вас есть альтернативное решение, Айнер?

– Так точно. Разрешите изложить?

– Излагайте.

– Разум пустыни понятен мне – он схож с моим разумом. Я изучу его, войду с ним в контакт и заключу договор ограничения агрессии. Я сниму его угрозу с вас и вашу – с него. Прошу дать дозволение действовать и оказать содействие.

– Это не простой вариант.

– Не сложнее вашего. Взяв что-то под контроль, вы все равно контроль не снимете и не ослабите – что бы ни было. А жестко контролируя объект, вы сможете уничтожить его, как только он станет опасным врагом.

– Мы не трогаем ничего до времени, когда не остается выбора. Но и тогда мы стремимся вносить лишь незначительные поправки. Это избавляет нас от осложнений, вызванных чрезмерным влиянием. Таким внедрениям в структуры времен и пространств предшествуют сложные и точные расчеты. Позволяя врагу проходить его путь до черты, переступив которую он станет нашей прямой угрозой без коррекции с нашей стороны, мы упрощаем этот расчет. Усложнение его способно повлечь недочеты. Ошибки в нем опасны для нас.

– Для вас опасен и враг. И сейчас его еще можно обезопасить, не грозя ему уничтожением, не вызывая его ответной угрозы.

– Это разумно, Айнер. Но времени у нас теперь мало.

– Мне много и не надо.

– Вы должны будете добиться цели путем минимальных вмешательств.

– Так точно. Но мои методы непривычны вам. И времени прогнать мой план по точному расчету вам не хватит. Вы должны будете положиться на мои планы, на мои расчеты.

– Вы – офицер S9. Это допустимо. Но мы будем контролировать вас. Предоставьте нам схемы планируемых вами действий.

– Мне нужны сутки для доработки схем. К тому времени “защитник” откроет память пустыни и получит ключ к этому разуму.

– Вы не получите права переписать коды памяти этой пустыни.

– Я не запрашивал таких прав. И это не входит в мой план. Все, что мне нужно – способность обмена информацией с пустыней.

– Этот разум считает вас врагом.

– Так точно. Но это не имеет значения. Этот разум враждебен ко всему чужому – особенно к тому, что меняет положение. Это вредит ему – нарушает его связи. Но он способен к обучению – он расширяет подходы к неизвестному, изучая его.

– Вы установите с ним дружественный контакт.

– Так точно. Только не сразу. После правильной расстановки сил. Он должен четко понимать, с кем имеет дело.

– Что это значит?

– Ваш подход не нуждается в силовом показе – вам не нужно пугать уничтожением, когда вы и правда собираетесь уничтожить. Я уничтожать не собираюсь – мне нужно только показать, что я могу это сделать. Но показ моей силы – моя агрессия вызовет ответную агрессию, которая должна быть подавлена на корню – заранее подавлена, еще до проявлений. Этот разум не только увидит проявления моей силы, но и будет вынужден дать мне время для объяснений – просто, некуда ему деваться будет.

– Это серьезное вмешательство.

– Не более серьезное, чем прямое уничтожение, которое не слишком заметно со стороны. Шесть точечных ударов по разуму – все, что мне требуется. У нас с вами по сути одни и те же методы. Только вы бьете мыслью, а я – другим оружием. Хотя в корне похоже и наше оружие – излучение. Мысленное излучение или...

– Что вам требуется, Айнер?

– Мне нужны истребители. Тяжелые истребители межзвездного полета по образцу наших “белых медведей”. Нужны мыслящие машины с функцией ментального контроля и управления. Техника, способная перемещаться с равно высокой скоростью и в безвоздушном пространстве, и в атмосфере этой пустынной планеты.

– Какие?

– Без разницы.

– Айнер, вы планируете поднять эскадрилью тяжелых истребителей и применить оружие. Вы нанесете этому разуму непоправимый ущерб. Вы начнете войну, Айнер. Вторжение. Захват.

– Так точно. Но это будет временное вторжение, временный захват. Я нанесу этому разуму ущерб, но поправимый. Этот разум быстро восстанавливает поврежденные участки – в этом я убедился опытным путем.

– Вы получите полномочия для проведения операции. Но ответ держать перед нами вы будете жизнью.

– Применяете ко мне мою тактику... Согласен. Беру полную ответственность.

Запись №11 04. 10. 1 год Эры Единства 09:00

Встал в стременах, всмотревшись вдаль... Не могу понять – приблизились смерчи или просто увеличались... Слишком ярко озарена пустыня, и не понятно, где начинаются, где кончаются эти шесты, распорками стоящие между небом и землей... Нет, расстояние определить не могу. Ну и черт с ним. А то глаза уже слезятся от яркого зарева, несмотря на затемнитель. Еще и Замухрышке сияние звезд в голову ударило... Мой зверь отчаянно бьет когтями зеркало, видно, считая его обычным камнем... Он роет нору в пыли, стараясь скрыться под землей от ненавистного ему

яркого света. Его почти слепые глаза закрыты и затемнены, но даже пропущенные затемнителем жалкие обрывки света тревожат его. Он создан блуждать по подземным коридорам пустошей Штрауба и отрогов скал Валсхайма – среди темных озер и холодных ручьев, ища блеклых червей и схожие с ними корни растений. Руггеры не знают вечных и вечно сияющих льдов Хантэрхайма... Им не слишком хорошо знакомы и территории Шаттенберга – они не посягают на тундру, где блистающий снег редко открывает рогатые мхи. Руггеры занимают полосу каменистой лесотундры территорий Штрауба – до границ синих еловых лесов. А это местность достаточно прохладная, часто подернутая туманной дымкой и сумраком. Горящая огнем зеркальная пустыня – одно мученье для моей зверюги... особенно близь рубежей стабилизационного поля, где зной с сиянием невыносимы. Ему чуждо это место. Но мне хорошо знакомо и это сияние, и этот обжигающий... не важно – мороз или жар, обжигает и то, и другое.

Я вымотался. Но теперь до того, что мне порой нужно спать, никому дела нет – даже мне самому. Теперь – это дело принципа. И я обязан доказать правоту. Просто, доказать правоту – теперь мой единственный вариант. Мою казнь, гибель этого разума и крушение порядка каменных глыб – я за варианты не считаю.

– S9, пустыня завершает восстановление нарушенных связей.

– Отлично. Так я и думал. Этот разум способен к восстановлению... как мы. Мой план верен...

– Не сравнивай эту пустыню с собой – этот разум другой.

– Но похожий...

– Ты не знаешь.

– Точно, нет. Но это я скоро исправлю.

– Не предпринимай ничего до этого.

– Не могу. Мне почти не дано времени.

– Откажись. Прими наказание.

– Ты еще не знаешь, что я задумал.

– Тебе передали в подчинение эскадрилью тяжелых истребителей.

– Точно. Они говорят за меня. И, похоже, много лишнего говорят... Но пустыня – определенно наш враг, угрожающий нашему порядку. И я призван бороться с ним, блокируя его угрозы.

– Но ты мыслишь прямо, как простой лейтенант армии AVRГ.

– Я и есть – лейтенант армии AVRГ.

– Ты высший офицер – ты S9.

– Я боевой командир – и точка.

“Защитник” устремил на меня холодный взгляд...

– Системой низшие офицеры посылались лишь в бой с хорошо известным врагом. Для борьбы с врагом неизвестным посылались только высшие офицеры, исходной задачей которых стояло – определить, что это такое – неизвестный враг.

– Я определил врага, D40... он схож с нами – с людьми... И я убедил стражей, приведя веские аргументы, поручить проведение операции мне. Но для них это только новый путь, параллельный их обычным путям. А для меня – это теперь все. Я поручился за дело жизнью... Потому что оно важнее, чем моя жизнь. Я докажу, что все может быть иначе! Докажу, что, устраняя угрозу, не обязательно уничтожать, повторяя тактику, примененную к нам! Что каким бы ни было гиблым дело, какой бы пропащей ни была ситуация – это возможно исправить и изменить!

– Не лучами тяжелых истребителей.

– Иначе никак! Это правило подчинения – кнут и пряник! И кнут стоит первым в этом коротком списке! Я начал с кнута – и был прав! С одного начнешь – другим кончишь! Сначала подманить сахаром, а потом огреть хлыстом – не годится! Я выбрал другой вариант! Сначала – хлыстом, потом – сахаром! И я не ошибся с выбором!

– Ты ошибся изначально – с тем, что надо подчинять.

– Альтернативой подчинению стоит – уничтожение! А сила – самый короткий и скоростной путь не только к уничтожению, но и к убеждению!

– Этот путь не надежен.

– Он послужит только тропой – крутой и обрывистой, зато потом по этой тропе будет проще проложить дорогу. Мне почти не дали времени, чтобы я мог узнать этот разум и подступиться к нему иначе. А этот подход верен для всех и для всего.

– Не трогай эту пустыню оружием – это сложный разум, о котором мы почти ничего не знаем.

– Ты вскрыл его коды?

– Еще нет. Это сложный разум, S9.

– Продолжай, не теряй времени. И я не буду его терять... Я лишу этот разум оружия и способности к сопротивлению. И я заставлю его принять мои условия... Он будет вынужден заключить со мной мирный договор посредством войны со мной. Такие убедительные доводы, как мое силовое превосходство, не оставят ему иного выбора – он безоговорочно примет мои условия, выдвинутые ультиматумом.

– Тебе не известны пределы сил этого разума.

– Зато мне известна беспредельность сил моих.

– Ты не знаешь, что этот разум считает силой.

– Сила – то, что способно и уничтожить, и сохранить.

– Уничтожить ты сможешь, сохранить – не известно. Ты не знаешь, какие ответы повлекут твои агрессивные действия.

– Это неминуемый риск.

– Минуемый. Изучением.

– У меня нет времени изучать подробнее...

– У тебя нет потребности. Ты требовал не времени, а оружия.

– Я требовал оружие потому, что имел возможность его получить! Время мне бы не дали! Мне бы не хватило времени, которое я смог бы получить!

– И все же оно было бы нужнее.

– Поздно! И не нужно! Я и так знаю об этом разуме достаточно! Он похож на нас! И хватит об этом! За дело!

Я поднял истребители для нанесения точечных лучевых ударов... Сначала – по центрам управления ответной агрессией этого разума... А после – по периметру энергостанций и энергохранилищ пустыни. Обстреляв эти объекты по периметру, я выведу их из строя, оборвав связи системы с этими участками, которые останутся неуправляемыми, станут неподвластными системе. Этим я добьюсь не только того, что пустыня потеряет способность обдуманно противостоять и сопротивляться мне, но и того, что энергосистемы пустыни не будут задействованы в борьбе против моего вторжения как оружие и рефлекторно. Здесь мной предусмотрено и то, что пущенный при сбое системы перебойный сигнал не дойдет до этих участков и не затронет энергосистемы пустыни. Я учел и то, что оружие мое – лучи, и что противник мой – зеркало. Рассчитана не только ударная мощность, скорость атаки и угол обстрела, но и... Пустыня при первом столкновении с неизвестными объектами, защищаясь, поднимает кристаллы мгlistым фронтом – не зеркальным щитом. Она защищается активно, нападая, а не пассивно, обороняясь – она выставляет острия, а не щиты. Это мне на руку – и я дам ей время поднять полки мгlistой пыли, не дав времени, перестроить их зеркальными щитами.

Белыми иглами мои истребители взвились в воздух... или его подобие... Техника набрала высоту так стремительно, что пустыне не достались и ее тени... Но над пустыней взвились темные вихри, поднимаясь ввысь за моими истребителями костлявыми руками, преследуя и нагоняя их, готовясь схватить мертвой хваткой, не отпуская... Но пустыне не удержать мою технику... Истребители уже вырвались из атмосферы планеты, и рой преследующих их частиц ослабел и рассеялся... Теперь я вижу планету глазами моих боевых машин – вижу участки концентрации частиц, участки активности силовых полей и повышения уровня излучения... Разум пустыни обдумывает ответ моей агрессии, готовится к нему... По этим зонам я буду бить сейчас – из безвоздушного пространства...

– Орудия к бою! Огонь!

Отсюда мне не видны острия синих лучей, но они отчетливо прописаны моей памятью... Так били “белые медведи” по Хантэрхайму, уничтожая наши штабы, командные пункты и центры

управления системами связи и энергоподачи. Так били по их укреплениям мы, и так били по нашим крепостям и базам они... Так бью я по этой пустыне, и так она ударит по мне. Но я буду первым и я пресеку ответный удар...

Невидимые в черной пустоте космоса лучи вонзились белыми клинками в пропыленный воздух, поднимая столбы черной пыли, поражая цель. По моему приказу иглами истребители вонзаются в атмосферу... Они расправляют крылья и парят, поймав ветер в капкан... Они спущены мной к поверхности пустыни и получают от нее рефлекторный ответ – мглой встает перед ними ветер... Но они уже над целью, их уже не остановить... А темный ветер неотрывен от поверхности пустыни, вздымая с этого зеркала бесчисленные острия его осколков, нарушая целостность этого всеотражающего покрытия... Темный ветер – отличный проводник моим лучам.

– Огонь!

Принимаю отчет об успешном проведении атаки и завершении боевой операции, стираю со лба испарину, проступившую от удушья, зноя и напряжения... Я улыбаюсь, с трудом подавляя кривую усмешку положенной по уставу серьезностью. Я отзываю истребителей... Они возвращаются на базу, врываясь с ветром пустыни в стабилизационное поле, неся обрывки этого ветра на пограничную базу в качестве дополнения к моему отчету моим командирам... “Защитник” сообщает, что открыл код и получил ключ к разуму пустыни... И моя усмешка торжествует. Теперь у нас где-то двенадцать часов для завершения операции. За это время я должен установить с пустыней связь. За это время пустыня еще не успеет отладить перебитые мной связи.

Запись №12 04. 10. 1 год Эры Единства 11:00

Все же я устал... Сильно устал. И мои раны... Мои раны не заживают. Я не могу достать всех осколков этой пустыни, а они не дают моим ранам перестать кровоточить... И я малыми дозами постоянно теряю кровь. Это почти незаметно, но стирая со лба испарину, я стираю кровавую росу... Я весь словно в битом стекле, я словно утыкан невидимыми иглами... “Защитник” вынимает их быстрее, чем я соображаю, но это все равно – слишком медленно. Они мешают мне принять его отчет и разобраться в структуре этого разума, в его открытой теперь кодовой системе...

– S9, соберись. Ты начал, теперь останавливаться нельзя. Теперь точно поздно.

– Я не соберусь раньше, чем соберешь меня ты. Я поврежден сильнее, чем думал... И это не входило в мой расчет, в мой план... Это нужно исправить быстрее... как можно быстрее...

– Запроси медицинскую помощь.

– Нет, D40... Нет, каменные глыбы не починят меня... Это мое наказание... за мою разведку...

– Они пропишут наказание позже.

– Они усилят его...

– Да, S9. Но ты ставишь под срыв и без того рискованную операцию.

– Не так еще хреново дело. Продолжай. Прогонишь данные по моей голове еще раз – я пойму.

Я стараюсь, но до меня уже почти не доходит... До меня уже почти не доходит даже ментальный сигнал “защитника”. Думаю только о том, что уже потерял много крови и еще продолжаю терять... Но и об этом думаю уже как-то вяло...

– Клей...

– Что?

– Клей... D40, запроси клей...

– Клей какого состава, какого назначения?

– Быстро! Мне нужен клей! Любой! Лишь бы для органики пригодный!

– Здесь нет ничего органического, S9.

– Я! Я такой! И я теряю кровь! От поверхностных ран! Мне нужен клей! Мой организм не может остановить кровотечение! А он – остановит!

– Так точно. Но ты не сможешь долго находиться в таком состоянии.

– Мне долго и не надо! Мне надо продержаться несколько часов! Сообразить, что есть что, и завершить операцию. Когда я разгромию враждебность и угрозу этого разума в прах, мне обеспечат починку любого уровня сложности...

– Ты поднимаешь уровень сложности этой починки с каждым мгновением, с каждым действием.

– Исполняй приказ! Я делаю все, как нужно...

В глазах медленно, но неуклонно темнеет... Но я еще различаю смерчи, пущенные пустыней для перестройки разорванных мной связей... Их теперь стало больше – уже поднялись новые... И они расширяются, становясь мощнее... И они ускоряются, становясь ближе к поврежденным зонам, сосредоточенным по большей части около нас... около стабилизационного поля, скрывающего нас... Они обступают нас, окружая поле... Ураган уже врывается в преграды чужого пространства, посягая на его рубежи неисчислимыми острями разогнанных им зеркальных осколков... Шторм бросает их мне в лицо... В плечо мне ударяют мои, отданные пустыне, ножи – хорошо, что бьют они только рукоятями... А я, замерев, смотрю на внезапно налетевший мраком шторм, закрывший тьмой светлые зеркала... Ветер прогоняет меня, просто снося в недостижимый для него центр стабилизационного поля пространственного перехода... А я все ловлю осколки пустыни глазами – пристальным, остановившимся, взглядом. И на меня все рушатся бушующие фронты усиливающегося шторма, проносясь обломками стен...

– Какого хрена?! Что происходит?!

– Пустыня ищет врага, защищаясь от него, атакуя. Но этот разум действует необдуманно – рефлекторно. Центры обработки информации, отвечающие за анализ подобных ситуаций и принятие подобных решений, повреждены. Действия пустыни бесконтрольны со стороны высшей системы управления – разума.

– Но это... Пустыня этим бесконтрольным штормом наносит вред себе!

– Необдуманные защитные действия перед серьезной угрозой часто деструктивны.

– Это что, аналог паники?!

– Так точно, S9.

– Черт! Разум отключен, а все остальное подключено с доступом ко всем энергорезервам и буйствует со всей дури! Разум не справляется с ситуацией и организм задействует все силы, минуя разум, полагаясь только на случай! Я этого не учел!

– Я предупреждал тебя.

– Я этого не учел... Но это доказывает только то, что этот разум действительно близок нам – людям... Пустыня теперь не найдет врага... Теперь ей никто не повредит... И она успокоится, затихнет со временем... Хотя и от полного изнеможения, хоть и подорвав себя, нанеся себе вред – она перейдет от яростного буйства к тихому ступору... И мне будет еще проще воздействовать на нее. Я смогу внедриться в ее разум, работающий на самом низком уровне понимания. Тогда я смогу просто закодировать ее – будет проще вбить мой мысленный код в глубины ее памяти. Тогда мне будет проще убедить ее потом – когда ее разум переключится на высшую ступень понимания.

– Будь осторожнее, S9. Это чуждый тебе разум.

Будто в опровержение “защитнику” сплошной мрак поредел и расступился... Но вместо обломанных стен тьмы, пробиваемых лишь разрядами молний, ветер надвигает на нас зеркальный фронт – бесконечную, непрерывную зеркальную стену, теряющую границы внизу и вышине, сливаясь с отражениями... Такой реакции я не ждал... Это означает, что мыслительный процесс еще идет... и он крайне активен. Но я... Я разбил устойчивые связи... Значит, появились новые... Нет, слишком скоро... Больше похоже, что задействованы какие-то резервы – резервные центры управления разума ответной агрессией... Но ответ неадекватен агрессии – он слишком силен... Разум не справляется с ответом... Это не централизованный ответ – это лишь частично обработанные обрывки решений, разбросанные по сети хаосом. Это похоже на предсмертное повышение активности поврежденного разума... На ум мне не пришло ничего, кроме запредельной брани, которой я покрыл и пустыню, и себя – уже покрытого подсыхающим клеем...

Мне в спину смотрит один из стражей, а я смотрю, как рушится зеркальная стена, опадая меркнувшей пылью... Я, не оборачиваясь, смотрю, как ползут по зеркальной поверхности пустыни темные пятна... как они чернеют, будто рушась пропастями... Черные пятна растут, ширятся, будто обрываясь... Они растут... Они ширятся... Пустыня исчезает в темноте... Еще медленно, но все скорее и скорее...

– Отчет, Айнер. Немедленно.

Я обернулся через плечо...

– Нужно ждать.

– Ждать уже нечего. Это конец, Айнер. Вы уничтожили разумный объект.

– Еще нет. Нужно ждать. Ждите.

– Наши затраты велики. Ваши внедрения в структуру времени и пространства тяжелы и ваше воздействие на время и пространство серьезно. Вы поручились за последствия ваших действий жизнью и вы должны дать ответ. Предоставьте нам подробный отчет, и мы примем решение.

– Вы его уже приняли. Я еще не окончил операции, но вы уже покончили со мной! Тупо! Сказал, ждать надо! Потом хоть три шкуры с меня спустите! Но потом – когда я скажу, что пора!

– Не вам выбирать время ответа.

– Время моей казни – не мне, но время моего ответа – мне, и никому иному. Я отвечаю за последствия проведенной мной операции, но операция еще не завершена – у нее еще нет последствий, и мне еще не за что отвечать.

– Вы хищник, Айнер, – хищник, нападающий защищаясь.

– Я не тяну время, стараясь отсрочить гибель, используя эту отсрочку для разработки отсрочки другой! И вы бессильны против меня с вашими угрозами! Я не боюсь ни смерти, ни боли, ни иных мучений! Я умирал всеми мучительными смертями, которыми мог умереть человек! Я перенес все виды зверской боли, которые мог перенести человек! Я испытал все кошмарные мучения, которые только мог испытать человек – его тело и разум! Я прошел худшее, что только мог пройти! И мне больше нечего бояться! Мне нечего терять! И вам нечем угрожать мне! Я потерял все, что страшился потерять! Мой единственный ограничитель – мой разум! Взывайте к нему! Иначе не добьетесь от меня ничего! Остановить меня вы сможете только грубой силой! Но вам не уничтожить такого хищника как я без потерь!

Я стою лицом к стражу, смотря прямо в его жестокие красные глаза, разгорающиеся неживым кристаллическим блеском. Мое отражение в них меркнет под светом – под моим отраженным светом... Я облит клеем, стягивающим меня отсвечивающей пленкой... и клей этот перемешан с моей кровью... И мой острый силуэт разрезает глаз стража чертой вместо вертикального зрачка...

– Я могу уничтожить вас прямо здесь, прямо сейчас, не сходя с места и не применяя оружия, но угрожаете мне вы – безоружный, слабый и поврежденный человек...

– У меня больше сил, чем у всех вас, хоть я не каменный великан, а израненный и измотанный человек. У меня есть сила духа, которой нет у вас – потому, что у вас вообще нет духа! Я не способен строить крепости с таким точным расчетом, как вы, но я способен строить крепости за пределами расчетов – такие крепости, которые выдержат все удары врага, как ваши!

– Ваши действия доказывают только ваше несовершенство.

– Мои действия, поддержанные вами, доказывают, что несовершенны мы все – и я, и вы! Мои действия доказывают, что вы будете меня терпеть, пока я буду терпеть вас и себя! Я контролирую ситуацию! И вы должны ждать! Потом вы сможете сделать со мной все, что вам в голову взбредет! Но потом – после!

– Ваша целеустремленность делает вам честь, но угрожает нам.

– Угрожать вам способен только этот разум, который теперь в моих руках. Вы все равно собирались уничтожить его...

– Не так, не такими средствами.

– Я обещаю окупить ваши затраты и риски, заплатив по счету не только моей жизнью, но и моим разумом, моей силой.

– Ваш разум и сила – не надежны.

– Зато ничего подобного нет ни у кого из вас. А редкости всегда ценятся высоко.

– По вашей логике мы выше всего должны ценить вашу наглость.

– Дайте мне время, и я докажу, что не цените вы мою наглость только временно.

– Такую беспредельность не оценит никто и нигде.

– Потому, что беспредельности нет цены!

– Цены нет тому, за что никто не способен заплатить, или тому, за что никто платить не собирается.

– Четкое определение вам даст время – тогда и решите, нужен я вам до крайности или не нужен вовсе. Хуже не будет. Хуже стать просто не может. Значит – может стать только лучше.

Страж без ответа отступил в смутную темноту, частично скрытый стабилизационным полем пограничной базы. И я остался один посреди гибнущей во мраке пустыни... Один потому, что мой зверь замер, перестав метаться, и мой зверек стих, застыв... А “защитник”... Он не в счет – он не живой, он – машина... Он всегда неподвижен и холоден... Но это не мертвый холод, а просто – не живой... никакой...

Я снова один, окруженный разрушениями и смертями... И я снова не могу остановить ни того, ни другого... Но теперь я не могу даже выбрать спасение чего-то одного, обрекая что-то другое... Разрушается и умирает все – и разум пустыни, и я... Китель липнет к облитым клеем плечам, сковывая движения, будто примерзая к корке моей заледенелой крови... Но кровь, остановилась и коркой ссохся клей... и не от мороза, а от жара... Нет, не ссохся... Он плавится... И не от жара – от огня... Огонь?! Огонь! Он везде! Он всюду! Разгорается очагами посреди черных дыр изрешетивших пустыню! Эти черные дыры растут и ширятся! И пламя вздымается и расползается по ним! Пустыня бьет зеркала... Она не отражает больше лучей этих чудовищных звезд, сжигающих ее... ее разум...

– D40, что происходит?! Что это?! Пустыня отключает все системы! Но я повредил только высшие центры управления системой – только частично!

– Я не знаю, что это, S9. Но разум отключен – отключены и высшие, и низшие системы поддержания его существования.

– Но я, считай, не тронул его!

– Он считает иначе. Это цепные реакции.

– Цепные реакции?! Он просто уничтожает себя! Сам себя уничтожает!

– Он, не способный четко мыслить, искал врага, одновременно применяя мощное оружие против него. Но врага он не нашел, и его оружие было обращено не против врага – он обратил его против себя.

– Не его оружие его уничтожает! Это он сам – разум!

– Что ты имеешь в виду, S9?

– То, что это аналог отчаянья... Он был покалечен, но не нашел врага... и он стал врагом сам себе. Это активный процесс – это самоуничтожение... самоубийство... Он не смог найти врага и не смог остановить агрессию против него... И он убивает себя... Черт! Энергосистемы! Когда он доберется до них!..

– Ты блокировал их от него, ты разбил его связи с ними.

– Сейчас они еще действуют по автономной программе... Но скоро... Не наладит с ними связь этот разум – их примитивные остаточные программы действий перестанут работать... И они – сгорят с выбросом энергии, который сметет все... Наладит с ними этот деструктивно настроенный разум связь – они завершат работу примитивной остаточной программы действий под его влиянием... И они опять же – сгорят синим пламенем... И это будет неугасимый огонь звезды! Эта проклятая планета станет звездой!

– Подобно звезде эта планета будет гореть лишь в течение нескольких секунд.

– Эти секунды станут подобием тысячелетий! В них сгорит разум! Щиты... Мне нужны щиты!

– Тебе не дадут больше тратить энергию на этот гибнущий разум. Тебе не дадут больше техники.

– Не дадут, так возьму!

– Стражи покончат с тобой, S9. А я этого допустить не могу.

– Они все равно казнят меня, что бы я теперь ни сделал! Избегнуть казни я могу лишь, заключив с этим депрессивным разумом мирный договор! И помочь мне миновать казни ты можешь только тем, что поможешь заключить этот долбаный договор с этой проклятой пустыней! Загружай оружие! Сейчас пойдем ничтожные следы скуки разгонять! Сейчас нам будет охрененно весело!

Запись №13 04. 10. 1 год Эры Единства 11:40

Я, с вида спокойный, прошел на пограничную базу, вслед за мной порог перешагнул и “защитник”.

– Чего ты ждешь?! Они засекут нас по ментальному сигналу!

– Никого в зоне восприятия нет, S9.

– Сейчас будут! Их здесь до черта собралось! Их генералы здесь! Они все ситуацию отслеживают! Нет сейчас нигде более острой ситуации и более горячей точки, чем у нас! Ломай коды! Они еще не заметили, что мы здесь только потому, что уверены, что мы – там!

– Есть, S9.

– Исходные блоки щитов! Бери! Бери все – все высшей мощности!

Схватив столько исходных блоков щитов, сколько мог схватить, я бросился бежать, бросив “защитника” на взломанном им складе – догонит...

Запись №14 04. 10. 1 год Эры Единства 11:50

Ситуация накаляется так же стремительно, как пустыня... Сейчас загорятся отключенные от центрального контроля энергосистемы... Я вижу первый столб белого пламени, вздымающийся к сияющему небу... Это пламя взвилось к звезде мостом, оборванным чернотой!

– D40, ты вскрыл код этого разума! Меняй его!

– Я не имею права.

– Не дали, так возьми! Меняй код! Останови это! Связь еще работает! Запусти в сеть частицы с перебитым кодом!

– Я еще не могу точно пробить новый код, я еще не точно установил последовательность кодировок.

– Рискуй!

– Я могу нарушить процессы.

– Я их нарушил до тебя! Останови этот деструктивный процесс! Сделай все, что можешь!

– Так точно, S9.

У меня нет доверия каменных великанов – нет у меня и их транспортов... А к черту их транспорты! Активирую затемнители на глазах моей кошмарной зверюги, подключая стремяна и влетаю в седло... Эти тяжелые и мощные твари берут разгон не сразу, но выдают неплохую скорость со временем... Застоявшийся посреди оцепенелого страха зверь рванул через границу стабилизационного поля не дожидаясь моей команды...

Спротивление слабнет – его почти нет... и мой зверь сшибает его остатки могучей грудью, идя напролом... Он набирает скорость... и я уже не смогу развернуть и остановить его без долгой инертной проволоки, но я и не собираюсь останавливать его... “Защитник” передвинул переход к ближайшей энергостанции почти вплотную, и я вырвался из него, почти сразу достигнув цели... Мой зверь тяжелым разрывным снарядом пронесся по опавшей черноте зеркальных кристаллов... Он вздымает непроглядно черной тушей прозрачную черноту, будто оставляя призрачный затяжной след... И я оставляю в этой раскаленной темноте, пришпоривающей зверя жаром вместо меня, исходный блок активированного с коротким замедлением щита... Я, всадник, оседлавший мрак, вырываюсь из мглы, и за мной вздымается восходящей стеной свет. Меня принимает сломанное пространство, и я перехожу через него, через пустоту в другую точку... в другую полосу черноты...

Щиты установлены и подключены... Срываю маску с себя, со своего зверя... Свистящий хрип нового вдоха – мой или зверя... и чистый выдох... Мой зверь покрыт такой же проблескивающей пленкой, как и я... Его липкий пот, смешанный с кровью порезов мешается с моим... От нас прет паленым – еще дымится гладкая черная шерсть зверюги и мои вздыбленные белые волосы... Я стряхиваю пепел обугленных бровей, сбивая красные угли, ползущие полосами по холке моего

зверя... Щиты установлены и подключены... И "защитник" пустил по спадающему ветру перекодированные частицы... Ждем.

Я, затаив и без того перебитое дыхание, смотрю в глаза пустоте... Я, оглушенный воем обрушенных на меня ветров, оглушен рухнувшей на меня тишиной. Ничего не меняется. Черные пустоты отчаянья пустыни ширятся с моим отчаяньем... Я с последней, ничем не подкрепленной, надеждой всматриваюсь в пустоту... И надежда гаснет вместе с пустыней...

Запись №15 04. 10. 1 год Эры Единства 12:20

Есть движение. Я определенно засек движение. Но что это?.. В мерцающей дымке ко мне идет человек... Его очертания становятся четче... только он отдаляется... Он уходит... Но он – возвращается... Я пытаюсь всмотреться в него, едва сдерживаясь от нетерпения... Дыхание перехватывает – в его присутствии здесь есть что-то ненормальное... Его никак не должно быть здесь... никак... Я активировал излучатель... но узнал в нем – себя... Это я. Никаких сомнений... И я делаю то, что делал прежде – только то, что делал прежде... Это моя проекция... Моя форма, принятая скоплением мерцающих и меркнувших частиц... Это память... визуализированная память... Пустыня пытается восстановить ход событий, вспоминая и меня, и мои истребители, и моего зверя...

– D40, это что еще?..

– Ты, S9.

– Вижу. Но что это?.. Восстановление воспоминаний?..

– Нет, не похоже... Это похоже на – смерть разума. Его память активируется, отмирая. Он путает время – настоящее и прошлое. Он путает и пространство – реальное настоящее с виртуальным прошлым. Он загружает в настоящую реальность образы виртуального теперь прошлого.

– Ты запустил в программу частицы с тормозящим разрушение кодом?

– Так точно, S9. Но процесс, видимо, необратим.

– Связи еще не окончательно разрушены – проекция довольно четкая...

– Возможно связи работают только односторонне – передавая, но не принимая информацию.

– Пустыня проецирует прошлое в правильном порядке... Осталось не так много времени до того, как будут запущены мои щиты... Но время еще есть... Нет только ветра.

– Ветер теперь не поможет.

– Ветер – нет, но... Что если частицы с новым кодом просто не в том месте?.. Что если связи повреждены только частично, по периферии?.. Что если они еще работают в центре системы?.. Что если сигнал идет от центра к периферии, но не доходит с окраин к центру?.. Мне нужно определить еще активные узловые участки этого разума... Определи их и зашли переписанный код прямо в них – он будет передан. Исполни!

Запись №16 04. 10. 1 год Эры Единства 12:40

Не работает. Ничего не меняется. Но это не плохо – хуже не стало. Бушующее пламя подступает к щитам стеной, только стена эта становится зыбче и спадает – точно, как стены зеркал и темных бурь прежде... Пламя спадает, но продолжает гореть...

О чем я только думал, когда полез в эту программу высокой сложности?! О себе! Но не только... Через себя я пропустил и эту пустыню... Спасая себя, нас – людей, я спасал и ее...

Я как бы перешел в другой формат понимания, перейдя к осознанию моей принадлежности к системе большей, чем мое племя... Мой разум получил расширение и теперь причислен не только к людям, но и к другому разуму, другой жизни моей планеты... И я пошел дальше, выбивая для себя следующее расширение – причастность к порядку разумных каменных глыб... И они приблизились к моему пониманию, и я действую теперь в их системе. Я служу их порядку. Я добиваюсь одновременно и их личных целей, и моих – направляю и силу, и волю на достижение наших общих целей. Но мне еще не достаточно хорошо известны они и их цели, как плохо

известен им я с целями моими. И я, еще не прочно встав на эту ступень, перешагиваю ее, уверенно восходя на – следующую... А я ведь определил структуру разума этих каменных глыб только отчасти, приблизительно... Я до сих пор точно не знаю организации их разума – не знаю, как он функционирует, какие процессы, какие реакции проходят в нем. Я определил какое-то доступное мне сходство этих каменных глыб со мной и перестал искать различия... Решил учесть то, что они другие – и только... Нет, я не постарался их изучить – не достаточно постарался... Я о них почти ничего еще не знаю. Но они все равно ближе моему пониманию, чем эта пустыня... Они имеют форму... еще и отдаленно схожую с нашей – правда, больше они схожи с нашей техникой, чем с нами, но все же... Пустыня эта формы не имеет вообще, хоть она имеет высокую организацию и сложную систему...

Пустыня – разум. Один сплошной неоформленный, но способный к переменной форме, разум, который способен к действию – к посылу и к ответу... и внутреннему, и внешнему... Он подобен организму с централизованным управлением... или организму без централизованного управления, но он – что-то иное. Он работает по другой программе... Этот разум будто сложен с телом в одну систему – он будто одновременно и то, и другое... И каждый его кристалл – и его разум, и его руки... По отдельности кристаллы – его слабые руки и его короткая память... Они – частицы, хранители слабых зарядов и фрагментов общей памяти. Но, объединенные целым, они мощны и умны... Точно...

– D40, нам нужно связать и сжать частицы с перебитым тобой кодом... Нужно установить порядок передачи сигнала и увеличить скорость его проводимости... Поднимем мощность полей – поднимем и активность частиц... Мы сделаем активный узел... Это вроде как командный пункт... с которого я – принявший временное командование – отдам приказ о переформировании разбитых войск.

– Мы запустим цепную реакцию мощнее этой.

– Это мне и нужно.

– Ответ поврежденной системы будет силен, но не будет верен.

– Попробуем.

– Слишком высок риск.

– Выбора нет.

– Есть. Ждать расхождения по программе пустыни ответа пущенному приказу.

– Связи рушатся, соединения выгорают! С такой скоростью не дойдет или приказ, или ответ! Сигнал будет просто заперт отрубленными от сообщения участками горящего разума!

– Так точно. Но теперь угрозы шире – этот разум теперь не значим.

– Прямой угрозы нам нет – только этому разуму, который занимает безымянные задворки старой вселенной, подходящей к концу времени!

– Незученной вселенной.

– Никому не нужной вселенной, которую никому не нужно изучать по простой причине – от этой вселенной не исходит никаких угроз!

– Кроме этого разума.

– Которому теперь нечем нам угрожать – которому теперь угрожаем только мы!

– Еще не известно, что скрыто в этой забытой, погребенной тишиной, вселенной.

– Зная, что ищешь, найдешь скоро.

– Стражи тысячи лет искали скрытый здесь тысячи лет разум, но обнаружили его только сейчас.

– Просто, они ищут только то, что угрожает им! А он не угрожал им прежде! Здесь теперь нет ничего, ставящего их порядок под угрозу!

– Кроме тебя. Ты создаешь угрозы, S9.

– Когда их нет! Когда есть – я их устраняю!

– Ты устранил угрозу сейчас. Дальше ты будешь создавать их.

– Я не собираюсь убирать угрозу вместе с объектом, от которого она исходит!

– Другого способа нет – он один, различно только время решений.

– Другого способа еще нет! Но он будет! Я докажу, что все опасное нам – и тупость, и агрессия – все это исправимо!

– Неисправимо, S9. Ты не исправишь тупости и агрессии тупой агрессией – просто заменишь одно другим. Ты просто заменишь мысли другого своими мыслями.

– Верно, я исправлю положение моими методами – исправлю, повинуюсь своим понятиям, но исправлю!

– Ты не исправишь этого в понимании пустыни, в понимании стражей...

– Я учел требования каменных стражей! Я теперь причислен к их порядку! И я могу считать себя его частью, считать его частью меня – исходить от него, как от себя!

– Еще нет, S9. Ты еще толькоходишь в него. Стражи почти ничего не создают, при этом почти ничего не разрушая. Только это делает их неуязвимыми для времени и пространства, где они заняли недостижимую для других грань между бытием и небытием. Их почти невозможно уничтожить оттого, что они почти не существуют – почти ничто не влияет на них потому, что они почти ни на что не влияют. Ты – ментальный пограничник, и они пустили тебя на эту грань, но ты стоишь на ней еще не твердо.

– Подошел бы я к краю, потерял бы опору – они бы сшибли меня в пустоту, не дав перейти рубеж!

– Скоро они сделают это – ты переходишь границы, S9.

– Не перехожу! Я черчу новые границы на старых картах! Границы между – быть или не быть, между – всем или ничем! Давай, делай! Исполняй боевой приказ!

– Так точно, S9. Но это последний такой приказ, который я исполню. Следующий – я не только не исполню, но помешаю привести в исполнение тебе. Еще ты должен помнить – я защищаю тебя. Другой цели у меня нет. Только эта цель принуждает меня к действию. Как только по моему расчету твоя гибель станет необратимой независимо от моих действий, мои программные принуждения к действию будут стерты – я сотру систему.

– Знаю! Об этом невозможно забыть! Действуй! До тех пор, пока еще способен! И к черту все, что после!..

Запись №17 04. 10. 1 год Эры Единства 13:50

С трудом раздираю глаза... Кажется, что их просто выкололи – темно и режет болью... Мои мысли цепенеют вместе с моими руками... Мне уже тяжело удержаться в седле – благо, зверь застыл подо мной, не шелохнувшись... такой же оцепенелый, как я. Я жду. И, кажется, есть отклик...

Пламя резко опало, сбитое ветром, который обрушил на мрак пепелищ опять неисчислимы искры – холодное мерцание осколков зеркал... Черное пожарище засияло отраженным звездным светом... Свет оковал спящим доспехом пустыню... и поднялся над ней... Вперился взглядом в открытый простор, затаив дыхание... Но сияние сокращает поле зрения, вздымаясь над поверхностью... Оно проходит горизонтальной чертой у меня перед глазами, не затрагивая меня, будто через меня – через меня, стоящего в стабилизационном поле, между двух пространств и времен... Оно поднимается надо мной... Оно закрывает пустыню щитом... Это – щит. Я, судорожно вдохнув разреженный воздух, сжал зубы... Моему взору снова открыты черноты пепелищ – это сожженные кристаллы, выжженные отчаяньем зоны памяти разгневанной пустыни, не обнаружившей врага... Теперь ветер поднимает этот пепел, собирая его вихрями... Пустыня избавляется от поврежденных частиц... Ветер прессует этот мрак, необратимый теперь в зеркальный свет...

– Сработало...

– Еще не ясно, S9. Я не способен дать точный прогноз действий, не имея нужной информации.

– У тебя есть информация обо всем! Ты вскрыл память пустыни!

– Только общий для всех частиц код.

– Но это дало тебе ключ ко всем кодам памяти!

– Так точно.

– Ты что, открыл только изначальную память пустыни, не открыв приобретенную?!

– Приказа не было.

– Тебе не нужны тупые приказы, обозначающие каждое следующее по логической цепи необходимое действие!

– Да, S9. Но приобретенную память по фрагментам хранят отдельные частицы, соединенные связями. А сканирование пустыни – серьезное вмешательство, для которого нужны особые указания. Их не было. Не было времени – для вскрытия кодов, внесенных в память пустыней, для установления порядка их связей. Не было времени ни прочесть отдельные участки памяти, ни обобщить их системой. Это сложный длительный процесс.

– Не прочел “жесткую память”, мог прочесть – “оперативную”! У тебя был ключ к ментальному фону!

– Разум был поврежден, когда я получил ключ, – его связи были частично оборваны, по фону проходили помехи.

– Черт!

Я был уверен, что рискую... но не настолько. Я забыл, что думать должен не только “защитник”, но и я!

– Ты химический анализ провел?!

– Так точно, S9.

– Тогда что происходит?!

– Этого происходить не должно. Похоже, пустыня меняет элементарный состав планеты.

– Меняет?!

– На субатомном уровне, S9.

– Разбирает старые атомы, строя новые?! Разбирает старые элементы, составляя новые?!

– Точно, S9.

Пульс ударил в голову, меня будто накрыло шквальным огнем... Столб мрака – пепла, из которого теперь выкован смерчем тонкий ровный стержень, разлетелся светлым мерцанием... Я, вылетев из седла и бросив зверя, я... Я закрыл глаза от ослепительного зарева корпусом взведенного излучателя, едва не сжимая руку на спуске, но не остановился... Чуть ни ослепший, накрытый оглушительным громом, рванулся к границе поля, но меня отбросило взрывной волной, сшибая ветром осколков...

– Какого хрена?..

– Пустыня устраняет повреждения, восстанавливая утраченные частицы.

– Восстанавливает их?.. Нет, не просто восстанавливает – возвращает их... Возвращает старые частицы, собирая их из других частиц – разбирая другие частицы и собирая эти, перестраивая себя и окружающее... делая это сознательно... Разум в короткое время строит то, что без него строилось бы тысячами лет... Пустыня, применяя силы, данные разумом, ускоряет естественные процессы искусственным путем... Поступает прямо, как мы... Мы чинили себя, разрушая среду. Мы объединились в систему и стали воскрешать погибших солдат, собирать новых, – взамен утраченным... Зашиби моих создателей и нейропрограммистов...

– Это уже сделали “белые медведи”, S9.

– Заткнись. Я соображаю...

“Защитник” молча перевел на меня холодный взгляд и указал на простертую передо мной пустыню, над которой теперь ровно искрится отраженный звездный свет... Пустыня опустила поднятый щит... Но воздух – его подобие – искристым монолитом сравнялся с поверхностью планеты... Свет – только свет, везде.

– S9, пустыня нападает – пытается вывести из строя установленные тобой щиты.

– Энергия... Пустыне нужен доступ к энергии, перекрытый моими щитами... Но не выйдет. Не хватит сил – это мощные...

– Щиты отключаются.

– Их нельзя отключить... Только я могу... Пустыне кодов не взломать...

– Коды не взломаны. Пустыня уничтожает их исходные блоки.

– Постой... Но исходные блоки под защитным полем – закрыты, заперты...

– Энергостанции и сберегательные базы – разум пустыни.

– Участки разума – отсеченные, заблокированные...

- С потерей сил, но они действуют автономно.
- Только связи нет... Сигнал извне о потребности в энергии просто не доходит... Щиты не пропускают никакой сигнал.
- Только световой.
- Фотонный поток... Я не перекрыл ему путь... Сделай это! Скорее! Щит проведет сигнал с моим кодом к исходному блоку по полю!
- Поздно – поле разрушается.
- Сколько оно еще продержится?!
- Час – возможно меньше, но не больше.
- Энергия... Зачем? Зачем энергия разуму, который близок к нам – людям?! Это оружие! Но зачем оружие, когда нет врага?!
- Враг есть, S9, он просто не обнаружен.
- Что ты сделал?! Что ты изменил?! Какой код памяти перебил и внедрил?!
- Код, который остановил процесс самоуничтожения пустыни. Процесс, вызванный агрессией, не примененной пустыней против врага и обращенный против себя.
- Ты перенаправил агрессию обратно?! На поиск и уничтожение врага?!
- Нет. Я блокировал агрессию, бесконтрольно пущенную неисправным разумом по замкнутой цепи, которую он разомкнуть не мог.
- И эту цепь разомкнул ты... И пустыня устранила поломки, вызванные моей агрессией... А теперь что? Теперь порядок должен быть!
- Я вернул этому разуму волю к борьбе с разрушениями, обрывая разрушения. Но этот разум поврежден – его воля устремляет его к цели, но пути достижения цели он точно просчитать не способен.
- Он был покалечен! Но теперь он исцелен!
- Часть памяти его потеряна безвозвратно. Он записывает новую память и устанавливает новые связи.
- Точно... Он восстановил не память – только носители памяти... Теперь им движет изначальная цель – сохранить себя. Цель, заложенная первичной программой действий, которую он теперь не полностью контролирует высшей программой... Он смог дать новым частицам только общий для всех них изначальный код, но коды собранных старыми частицами знаний он передать не смог. Мы отняли у него часть знаний и опыта... Мы подавили его сознание, пробудив инстинкты – их подобие... Но инстинкты – это примитивная программа, которую предугадать не трудно...
- Мне открыты эти коды – базовые цели этой разумной пустыни. Но сейчас работают не только эти программы.
- Инстинкт не полностью бесконтролен, но разум контролирует его не полностью... С этим еще как-то можно совладать... Поступкам под влиянием чистого разума или инстинкта прогноз дать проще – здесь почти нет вариантов действий. Поступки среднего и переменного влияния этих программ определить сложнее – вариантов действий значительно больше, но это еще нам под силу. А предугадать, что выкинет сломанный разум под переменным и перебойным влиянием искореженных программ... У пустыни крышу снесло! Теперь от нее можно ждать чего угодно – только непонятно, чего и чему что будет угодно!
- Я поразил разум пустыни... Внедрил в него, как последний вирус, и – поразил болезнью! Она свихнулась! И теперь она не просто подойдет, но и погубит! Я подохну вместе с ней! Подохну, как последний паразит, погубивший носителя! Эта пустыня теперь – мое тело носитель! И деваться мне от него некуда! Я могу покинуть его, но мне некуда идти! Я поручился жизнью за подобие жизни этой пустыни! Я связан с этой пустыней неразрывно – как хищник с добычей! С хищной добычей, зажатой в моих зубах и сжимающей в зубах меня! Я хищник, нападающий извне и изнутри, но и на меня напали – и изнутри, и извне! Я не мог позволить каменным глыбам уничтожить разум, подобный моему, и схватился с ним сам, но он – похож со мной, он отвечает мне моими ответами!

Затягивает... Меня затягивает омутом в чертову бездну... Нет, я еще не сорвался с грани – я еще стою здесь, на границе, на рубеже... И я способен внедряться во время и пространство с такой же силой и пониманием, как эта пустыня. Просто, коса на камень нашла...

Запись №18 04. 10. 1 год Эры Единства 15:09

Мои щиты рушатся... Над энергозонами поднимаются сияющие спицы, по которым проходят синие огоньки... Сети этих огней все плотнее опутывают спицы, поднимаясь к их остриям... Эти спицы – оружие. И сейчас ясно, что оно накапливает, концентрирует и направляет энергию звезд – сохраненную пустыней... Думаю, пустыня может брать у звезд энергию и напрямую, не накапливая... И теперь она поднимает против меня мощнейшее оружие... А я не знаю, что делать...

Осторожно искоса посмотрел на замершего в отдалении “защитника”... Нет, он еще не стер систему – еще работает... Значит, я еще не приговоренный его расчетом труп. Значит, и пустыня еще не приговорена им – ведь ее приговор – приговор мой... Мы с ней еще воюем... Но, по всей видимости, войне скоро будет положен конец – вернее, конец скоро будет положен мне или пустыне... вернее, нам обоим... Выбрать – сохранить или себя, или пустыню я не смогу...

Или все же смогу?... Запустить истребители я больше не сумею – точно. Но это не единственное мое оружие... Черт... Ситуация здесь не простая, не однозначная и не односторонняя... Уничтожить пустыню, но не быть казненным – возможно. Мое подстрекательство выявило серьезную скрытую угрозу – это было не пустой тратой энергии, не напрасным риском... Выявлением этой угрозы были оправданы и разрушения. И не столь теперь важно – блокирую я ее союзом или враждой – ее просто необходимо устранить. А доказать, что в скрытом состоянии угроза эта была бы опаснее, что со временем опасность эта только бы возрастала – я смогу. Докажу, и что по прошествию времени с такой угрозой справиться было бы труднее, что энергии ушло бы больше, чем сейчас, и внедрения в структуру времени и пространства были бы тяжелее. В общем, верно все... Ведь стражам изначально союз был нужен только для точного определения степени угрозы, исходящей от этого разума, открытия его скрытых сил и установления над ним жесткого контроля. Не тем способом, который был запланирован изначально, но я сделал это. Пустыня показала нам и оружие, и силу... и агрессию, и враждебность – правда, только в виде ответа... Черт...

Конечно, я здесь сейчас устроил побоище... Но пустыня могла бы лет через тысячу устроить побоище нам... Лучше воевать и разрушать сейчас и быть победителями, чем воевать и разрушать потом, но быть побежденными... А воевать придется – в полную силу. И пустыню эту уничтожить придется... пока еще она не уничтожила нас... Ведь время покоя стерло бы именно эту грань – оно бы поменяло полярность... Порой избежать жестких внедрений в наш порядок мы способны только жесткими внедрениями в порядок чужой. Просто, нужно знать меру... Нужно помнить, что время не пощадило нас с нашей безрассудной беспокойной силой, что оно не тронуло каменных глыб с их рассудочным неколебимым покоем. Мы способны сжечь его или заморозить, тратя или храня. Но не следует забывать, что оно перестает идти и для тех, кто пустил его в расход, и для тех, кто к нему вообще не притронулся. Оно не идет для мертвых. А мертвым для себя оно считает всех, кто покидает его. Но время не забывает о мертвецах, обращая их в прах. Это произошло с нами и произойдет с каменными глыбами... Просто, нас до этого довела активность, их доведет – пассивность. Время... Оно всегда посередине – между прошлым и будущим. Оно всегда на грани... Время не терпит обеих крайностей – вернее, терпит только одну крайность – середину, где обе полярности сходятся в одну... И время никогда не стоит на месте, не терпя нас, когда останавливаемся мы. Тогда оно сшибает нас с черты, тогда мы слетаем с грани, выпадая из времени, летя напрямиком в мороз или в пламя смерти... Рубеж времени... Я иду по этой грани – я нашел ее и не должен потерять... Но не потерять ее я могу только, если буду искать ее – идти по ней и искать ее. Я должен не стоять и не нестись сломя голову – идти и искать... найти и не думать, что нашел и не потеряю. Точно. Нужно идти дальше – до конца... которого может не быть... Ведь время бесконечно – у него нет, не начала, не конца – только грань меж тем и другим...

- S9, тебя вызывают.
- К черту... Я думаю.
- Ты должен явиться в штаб.
- Не могу! Это лезвие! И я не могу с него сойти! Еще что-то должно быть... Варианты... Всегда есть варианты. Просто я их еще не вижу... Просто мне нужно время! И я не могу спустить его остатки, доказывая командованию, что оно мне необходимо!
- Планы изменились – обнаружено мощное разрушительное оружие, созданное этим разумом, подчиненное его силе и воле. Его применение недопустимо. Под твоё командование переданы три эскадры тяжелой межпространственной техники, действующей в пределах стабилизационных полей. Ты должен принять командование и отдать приказ.
- Я думаю. Не мешай.
- Времени нет. Ты должен отдать приказ.
- Еще не все потеряно...
- Ты обязан принять решение и отдать приказ.
- Сначала надо определить задачу – потом решать! А поставить задачу труднее, чем решить!
- Перед тобой стоит задача – уничтожить врага до того, как он применит оружие.
- Условия задачи не верны! Это – не враг! Враг – я! Я – ему, а не он – мне! Но и я ему – не враг! Только он этого не знает!
- Ты обязан уничтожить противника до того, как он нанесет удар.
- По кому он бить будет?! Ему бить не по кому!
- Не имеет значения, против кого он применит оружие – он не должен его применить.
- Черт! Этой пустыне нужен не полномочный враг, а психиатр! Не отдам я сейчас приказа! Я думать буду!
- Думать нужно было раньше. Теперь ты должен отдать приказ.
- Тебя что, заело?! Думай со мной! Времени для размышлений мне может не хватить! Но для того, чтоб уничтожить времени мне хватит точно!
- С бездейственным ожиданием растет риск серьезных осложнений.
- Растет! Но не так скоро, как риск действий без ожидания! Сейчас пустыня не способна нанести нам более тяжкий вред, чем мы ей! А нанеся пустыне тяжкий вред, мы нанесем его и себе! Ударив по ней сейчас такими силами, мы ударим по себе сильнее, чем она по нам!
- Оружие пустыни мощно и разрушительно, S9.
- Убери схемы из моей головы, я все равно прочесть их не могу! И без них ясно, что оружие это хуже некуда! Но направлено оно в ничто и в никуда! Мы скрыты для пустыни! Как она была скрыта для нас!
- Пустыня будет разрушать. Под ударом будет и время, и пространство – значит, и мы.
- Она не прицельно бить будет, как мы!
- Этим ее удары и опасны.
- Мы разрушим здесь все – и этот разум, и эту планету, и эту систему!
- Этот разум – колонизатор.
- Да, но не справившийся с задачей!
- Мы не можем допустить его распространение в этом созвездии.
- Контрольные удары, зачистки... Мы здесь все разнесем!
- Это неминуемо.
- Не знаю еще!
- Я знаю. Этого разума больше быть не должно.
- Как нас! Как людей! Но он не тупо непреклонный враг, уничтожающий по принципу – уничтожить все и покончить с собой! Он, как мы! Просто не понимает, что создает оружие опасное для себя и для невидимого противника!
- Он не поймет, уничтожив себя и все, что окружает его. Это неминуемо.
- Минуемо! Он поймет! Но без посторонней помощи – без моей помощи – поймет, когда будет поздно понимать! Как мы! Не будет осторожным со скрытым врагом тот, у кого никогда не было открытого врага, стоящего на такой высокой ступени!

– До разума, устроенного по сходному с людьми принципу, не доходят угрозы иные – только его необратимое устранение.

– Необратимое... А никто не пробовал обратимого...

– Стражи применили к людям принцип необратимого, но не абсолютного устранения. Они не уничтожили тебя – сохранили тебе жизнь, S9. И ты продолжаешь разрушать – безотчетно.

– С отчетом. А вот, кому я этот отчет даю и перед кем я его держу – другой вопрос. Теперь не мешай мне думать... каким способом ситуации руки за спину заломить, рук ей не сломав...

– Не отдашь приказ ты, его отдадут за тебя.

– Нужно ждать... Ждать до последнего. Стражи не применяют тяжелого оружия до тех пор, пока будет хоть какой-то шанс избежать таких разрушений. А он еще есть. Их еще возможно предотвратить...

Эта пустыня зашла еще не так далеко, как мы... У нее еще есть не перекрытые пути... Ей еще есть, куда идти и куда вернуться... Нужно только указать ей непроходимый тупик и обходной путь... Только нужно, чтобы тупик был виден ей ясно, чтобы до нее четко дошло, что он непроходим... Ей необходимо понять, что сменить путь нужно сейчас, пока он еще есть, пока еще есть время... А нам необходимо ей это объяснить... Обозначить твердо, что она влетит в этот блок, следуя этим путем, и разобьется, что ее начнут бить еще до столкновения и добьют после него... Объяснить жестко, что ее забьют до смерти еще до столкновения, что после него разобьют уже ее обломки...

Я должен разъяснить пустыне, что мощное оружие, агрессивные действия и деструктивное развитие должны быть ограничены. Это – территории разума, и ограничить их может только разум. Инстинкт сохранить себя только толкает разум, дает ему волю и силу, но он слеп и должен быть подконтролен разуму. Инстинкт заставляет защищаться всеми доступными силами – в том числе, достигнутыми при помощи разума, но эти силы становятся разрушительными при применении без ограничений со стороны разума. И наше стремление сохраниться, захватывая все большие территории, лишает нас территорий, делая нас нашими же завоевателями. И наше стремление защититься, используя все более мощное оружие, обращает это оружие против нас, делая нас нашими же врагами. Я сделаю это. Я исправлю наши старые ошибки, хоть здесь, хоть сейчас... Здесь и сейчас я исправлю и ошибки стражей, хоть промахов у них было порядком меньше, чем у нас... Я им докажу, что проще и безопаснее устранить угрозу в этом времени и пространстве, этим способом и этой энергией – по крайней мере, в этом случае. Риск огромен. Но я по грани пройду.

Каменные великаны еще не торопятся избавляться от меня – им это сделать раз плюнуть. И поле действий они мне сужать еще не спешат – по той же причине. Пока здесь еще решаю я. Воспользуюсь моими еще не ограниченными полномочиями – с очередным их превышением еще не пресеченным. Вывожу тяжелую межпространственную технику на огневые позиции...

Запись №19 04. 10. 1 год Эры Единства 17:10

Стоп. Огонь я открывать не буду до того, как... Я должен все же разобраться... до того, как поставлю под такую угрозу жизнь этой пустыни и мою жизнь... Жизнь... Что-то здесь не то... У пустыни нет жизни. Это – не живой разум... Только вот разницы нет – это разум...

В голову прут старые недодуманные мысли – что живое, что не живое... Для ясности решил, что живое то, что подходит под определение жизни, заложенное в мою программу и программу “защитника”. Биохимические процессы – основной признак жизни. Иные химические процессы – это признаки нежизни. Или – подобия жизни, другой жизни... Черт.

Жизнь – материя, организованная по одному принципу, нежизнь – материя, организованная по другому, но сходному принципу. Жизнь – принцип организации, явленный одним вариантом случайности, нежизнь – другим. Но и тот, и другой вариант явлен случаем. Живое – это я, это крыс, это руггер... Не живое – это пустыня, это каменные глыбы (и стражи, и их командиры)... это защитник-D40-709. Техника вроде “защитника” – особое подразделение не живого, как руггеры – особое подразделение живого. Их создали мы – люди. Это искусственно созданные объекты, просто обойденные естественным происхождением, – точно неизвестно, могли бы они быть

созданы без нас или нет. Не исключено, что – могли бы. Я теперь ничего уверенно исключить из допущений не могу. Об организации жизни мне известно больше, чем об организации нежизни. А что мне вообще известно о нежизни? Почти ничего. Мне ясно, отчего наши андройды похожи на нас – их сделали мы, но... Отчего каменные истуканы похожи на людей, людьми не являясь?.. Возможно, грань между живым и не живым тоньше, чем мне кажется... И она тем тоньше, чем толще она мне кажется... Я не должен так резко и четко отделять одно от другого, допуская что-то братское, что объединяет все это... Да, я буду относиться к этой пустынной планете так же, как к человеку, – к брату по принципу мышления... Мышление и задачи – вот в чем основное отличие первостепенной жизни или нежизни от второстепенной, как у “защитника”, служащего не себе, а другим... Пустыня – для меня объект братский, равноправный с человеком, а не подчиненный человеку, как “защитник”... И я должен поступать с ней, как с человеком... как человек с человеком...

Я открою ей угрозу, но не выведя оружие из полей незримости, а выйдя к ней, и выведя их в своем, открытом ей сознании... Да, я открою ей свое сознание.

Выйдя из поля, понял, что пустыня не направит на меня своего мощнейшего оружия и попытается уничтожить меня оружием попроще... А уничтожить она меня попытается – пустыня поняла, что я наделен сознанием, и что я – вооружен истребителями... и что я возглавляю эту армию своим сознанием... Она вычислила меня, как слабого человека, распоряжающегося сильным оружием, – как лидера, которого необходимо убрать и убить которого надо слабым оружием, защищаясь мощным оружием не от него, а от его техники... И она торопится убить меня до того, как я исчезну в поле незримости и не стану снова недостижимым... Но я стою перед ней, стараясь сосредоточиться на ее полях и сигналах, открывая ей – свое сознание...

Защитник втащил меня, истерзанного ей, – чуть не разорванного в клочья – в поле... Но я не могу остановиться, стараясь отослать ей сигнал с границ ее пространства и времени...

– S9, не выйдет. Ничего не выйдет. Она – смертница, готовая к последней схватке.

– Она слышит меня.

– Слышит, но не слушает. Она не остановится. Пустыня принесет себя в жертву, стараясь сохранить свои осколки в своих колониях. Она готова уничтожить врага, отдав свое сиюминутное существование своему будущему. Ты ничего не сделаешь с этим. Ее сознание – сознание смертника, которого не страшат схватки и опасность.

– Это крайность – помрачение сознания!

– Да, и ты не в силах исправить это.

– Пустыне сейчас нужен врач, а не враг... Я должен объяснить ей, что ее колонии не оставят, что их – зачистят.

– Она не поймет. Ее разум помутнен.

– Я должен... Должен показать ей нас – людей... показать ей себя, свою жизнь. Ее осколки ждут нечто подобное... или совсем ничего не ждут... Она должна понять, что ее не будет, что у нее нет будущего... А если и есть, то у ее единичных осколков, не способных создать такую сложную организацию снова. Ей нужно только услышать то, что я ей скажу... Но как мне до нее достучаться?..

– Сбой в работе изначального разума, устраняется так же, как в работе вторичного, – технического – перезапуском программы разума.

– Как можно перезагрузить пустыню?..

– Шоковым ударом, S9.

– Электрошоком?..

– Не думаю, что этого будет достаточно.

– Тогда полным перезапуском – через Пустоту.

С трудом убедил каменных генералов перебить память пустыни. Они упорно не соглашались перевести пустыню в другой формат Пустоты – в стабильную фазу несуществования... точнее, – в фазу потенциала существования... Но они – согласились. Все меняется со временем, а они с ним не

спорят. Они принимают мою тактику, хоть и с трудом, и со скрипом. Что ж... пора рискнуть всем, что у меня еще есть...

Я вернулся с базы в стабилизационное поле к “защитнику”. Каменные генералы готовят стабилизаторы, а я...

- Уходи, S9. Я останусь на посту контролировать перезапуск.
- Я тебя не оставлю.
- Ты должен поступить иначе. Это решение, недостойное офицера-S9.
- С каждым бывает – с каждым человеком.
- Я буду вынужден...
- Не сможешь. Не сможешь силу применить. Я остаюсь и точка. Я останусь с тобой и с этой пустыней.

“Защитник” не может отпустить истребители и стабилизаторы, управляемые только им. Он не может уйти. Но и меня в Пустоту он, как крысу, бросить не может. А я... Я окончательно решил, что пустыня равна нам, и что... D40-709 – равен нам... всем нам – и в жизни, и в подобию жизни. Различья конструкции, программы – что это теперь значит? Объекты, носители программы, способной управлять собой и другими... Это все равно – биохимические, химические... А D40 – этот сложный разум, закованный в прочный доспех, – он ценен для меня равно, как был ценен для меня мой старый друг. И в итоге он не сильно отличен от Скийела Скара, видящего жизнь, считай, глазами этой машины. Нет в этой машине только поверхностно человеческих выражений, того кажущегося различия... А ведь мы почти такие, как они – мы, офицеры-S9. В итоге и я поступаю не иначе, чем эти машины, – только к решениям подхожу другим путем... к одному с ними решению. А главное, мы с этой машиной – защитники. Вечные защитники всего, что скажут защищать наши командиры и наша честь.

Процесс запущен, и мы остаемся на границе черного космоса, стоя на черте пространства пограничной базы. Дестабилизаторы “защитник” подключил сразу, как только планета исчезла среди звезд. И мы снова пересекли границу, вставая на территорию снова явленного нашим глазам зеркала. Теперь надо посмотреть, последуют перестройке изменения или нет. Нет, ничего не изменилось. Но пустыня еще не отошла от стресса. Она способна принять поток моих посланий, не торопясь с агрессией. Только ей и мои мысли прочесть трудно станет, но ничего... ничего я этим не сделаю. Надо, просто, четче сформулировать предназначенную пустыне информацию.

Запись №20 04. 10. 1 год Эры Единства 19:30

Лег на спину, располагаясь на прохладном зеркале под прикрытием такого же прохладного зеркала, отражающего звездный свет, а вокруг меня строится призрачный Хантэрхайм. Эффект сногшибателен. Пустыня не только поняла опасность и послушалась меня, но и проявила инициативу в установлении контакта, узнавая у меня все, что знаю я, мой “защитник” и мой крысюк, и рассказывая мне все, что знает она. Ее ментальный фон колоссален, но я способен принять сигнал. Жаль только, что излучение кристаллов вынудит меня скоро уйти в поле невидимости. Мне с пустыней время проводить никак – общаться с ней я буду только по делу, обуславливая все, что касается договора со мной и моим каменным руководством.

Не всегда можно точно узнать, чем обернется нам то, что мы считаем победой или поражением. Честно, я не знаю, кто сейчас кого победил. Не знаю, когда и кто начнет новую войну. Но я считаю эту войну не только моей победой, но и победой пустыни – этого неживого сознания, сразившегося с сознанием живым.